

ФРАНЧЕСКА С. УАЙЛЬД

ЛЕГЕНДЫ
ЗАГОВОРЫ
И СУЕВЕРИЯ
ИРЛАНДИИ

Франческа Уайльд

**Легенды, заговоры и
суеверия Ирландии**

«Центрполиграф»

1888

Уайльд Ф. С.

Легенды, заговоры и суеверия Ирландии / Ф. С. Уайльд —
«Центрполиграф», 1888

Автор этой книги Франческа Сперанца Уайльд – мать всемирно известного писателя Оскара Уайльда – замечательно образованная и удивительно талантливая женщина, считала, что три великих источника знания открывают туманное прошлое человечества – язык, мифология и древние памятники страны. Франческа посвятила свой труд мифологии. Она собрала ирландские легенды, сказания и заклинания, бережно сохраняя выразительные обороты древнего языка и первобытную простоту стиля. Здесь представлены суеверия, приметы и заклинания, легенды о святых и об умерших, о рогатых женщинах, о животных, птицах, о добрых и злых феях. И все это захватывающе интересно, волшебное и мистически прекрасно.

Содержание

Об авторе	5
Легенды, заговоры и суеверия Ирландии	11
Предисловие	11
Введение	13
Рогатые женщины	21
Легенда замка Баллитовтас[12]	23
История о волке	27
Дурной глаз	29
Похищенная невеста	35
Музыка фей	37
Танцы фей	38
Суд фей. Легенда Шарк-Айленда[22]	40
Душа священника	41
Народ фей	45
Испытание огнем	47
Леди ведьма	48
Этне-невеста	50
Мечь фей	53
Феи-помощники. Пак	55
Наказанный крестьянин	57
Жена крестьянина	60
Полночная поездка. Рассказ крестьянина	61
Лепрекон[29]	63
Легенды Западных островов	66
Предсмертная песнь невесты	67
Сон ребенка	68
Дитя фей	69
Рок	72
Очищение от вины	73
Святой колодец и убийца	74
Легенды Иниш-Сарка	75
Проклятие женщины	75
Легенды Западных островов об умерших	78
Знак смерти	78
Кэтлин	79
День Всех Святых	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Франческа С. Уайльд

Легенды, заговоры и суеверия Ирландии

Об авторе

Как и Оскар, его мать любила окружать себя легендами, скрывать подлинные события за туманным романтическим ореолом. Поэтому многого о ней мы до сих пор не знаем.

Сама Франческа считала, что ее семья происходит от знатного итальянского рода Альджиати, а где Альджиати – там недалеко и до Алигьери, так что она называла себя и потомком Данте. Ей совсем не нравилось вспоминать, что, когда она родилась, ее назвали просто Джейн, а отец – дублинский юрист – происходил из семьи английских каменщиков по фамилии Элджи, которые перебрались в Ирландию в XVIII веке в поисках работы.

Но когда же она родилась на самом деле? Точно неизвестен даже подлинный год рождения Джейн Элджи – она постоянно убавляла себе возраст. Правда, получалось как-то неловко: девушка рассказывала всем, что родилась в 1826 году, а в таком случае оказывалось, что ее отец, Чарльз Элджи, умер аж... за два с половиной года до ее рождения – в 1824-м. Правда, уже в старости, подавая документы для пенсии, она указала другую дату рождения – 27 декабря 1821 года. Но, может быть, и это неправда: даты рождения старшего брата и сестер писательницы наводят на мысль, что на самом деле она была старше еще на два-три года.

Среди родных и знакомых маленькой Джейн было много необычных, интересных людей. Сестра ее матери, тетя Генриетта, вышла замуж за Чарльза Метьюрина. Этот скромный дублинский священник приобрел мировую славу благодаря роману «Мельмот», которым восхищался Пушкин. Джейн переняла многие его странности, в частности, как и он, любила сидеть днем в темной комнате при свечах. Двоюродный брат Джейн, Роберт Мак-Клюр, прославился как исследователь Арктики, и она всегда им гордилась.

Старшая сестра вышла замуж, когда Джейн была еще совсем маленькой, брат эмигрировал в Америку. Будущая леди Уайльд жила с мамой и тетей Генриеттой. Она увлекалась чтением и изучением иностранных языков. Может быть, «десять языков», которые она выучила, – это обычное преувеличение, но впоследствии Джейн публиковала переводы с немецкого, французского, шведского, португальского и даже как будто бы с русского.

Спокойная жизнь прервалась в конце 40-х годов. Эмоциональная, романтическая Джейн Элджи не могла остаться равнодушной к бедствиям, которые тогда переживала Ирландия: политический кризис, нищета и главное – страшный голод, который унес едва ли не треть населения страны. Джейн попробовала послать свои стихи в патриотический журнал «Нейшн», где они были опубликованы под псевдонимом Джон Феншоу Эллис. Стихи пользовались большим успехом, и редактор журнала, Чарльз Даффи, захотел познакомиться с автором. Вместо «Джона Эллиса» перед ним предстала «высокая девушка с величественной походкой и фигурой, пылающими карими глазами и чертами лица, которые были словно отлиты в форме для статуй героев – внешность, подходящая для духа поэзии или гения революции». Джейн стала публиковать свои стихи под псевдонимом Сперанца – Надежда, который напоминал и о ее якобы итальянском происхождении. Патриотические, обличительные стихи Джейн пользовались таким успехом среди ирландцев, что и сорок лет спустя Оскара Уайльда в США ирландские эмигранты воспринимали прежде всего как сына «той самой Сперанцы».

Национальный подъем 1840-х годов не привел ко всеобщему восстанию, к прямой попытке свержения английского господства. Многие ирландцы, в том числе и Франческа Сперанца Элджи (так теперь она предпочитала себя называть), были разочарованы. Мисс Элджи занялась переводами и журналистикой. В 1849 году она написала рецензию на книгу под назва-

нием «Красоты Бойна и Блэкуотера», автором которой был доктор Уильям Роберт Уайльд, а в книге доктора Уайльда цитировались стихи Франчески...

Когда точно познакомились будущие родители Оскара Уайльда – неизвестно. Понятно лишь, что между ними было много общего: и сходство характеров, и патриотические убеждения (Уильям, правда, не был настроен так радикально, как Франческа), и интерес к истории и культуре Ирландии. Уильям Уайльд к началу 1850-х годов был модным дублинским врачом, специализировавшимся на ушных и глазных болезнях, так что и зарабатывал он неплохо. Кроме того, он интересовался археологией, древностями, историей родной страны. Но неизвестно, решилась бы мисс Элджи вступить в брак с доктором Уайльдом, если бы не несчастье, которое постигло девушку: в 1851 году умерла ее мать. Жить одной, по тогдашним понятиям, было и не совсем прилично, и просто трудно; кроме того, Франческе фактически было уже под тридцать, и она не хотела остаться старой девой.

Перед браком многое могло заставить ее серьезно призадуматься. И дело было не только в том, что черноволосая красавица была ростом больше 180 сантиметров – жених оказался едва ли не на голову ниже. Красивый, привлекательный (теперь мы сказали бы – сексуальный), молодой доктор славился своими любовными похождениями. У него уже был 13-летний внебрачный сын Уильям, которого он выдавал за своего племянника, и две также незаконные дочери – Эмили и Мэри. Младшей девочке было всего два года, и, видимо, с их матерью (ее имени мы не знаем) доктора Уайльда связывали давние и прочные отношения. Однако Франческа все-таки решила рискнуть, и в общем не прогадала – хотя легкомыслие мужа принесло ей много огорчений.

Дружеские отношения и духовная близость с мужем облегчили для Франчески вступление в новую жизнь. В должный срок, 26 сентября 1852 года, в семье появился первый ребенок, которого называли Уильям Чарльз Кингсбери Уиллс Уайльд. Хотя, конечно, в доме Уайльдов были и няни, и кухарки, Франческе многое приходилось делать самой. С юмором она писала одному из своих друзей, что про нее сочинили такую эпиграмму:

Судьбы жестокая промашка —
Гляди, Сперанца варит кашку!¹

Правда, молодая мама не могла поверить, что при ее талантах все закончится только кашкой: кто знает, может быть, в семье растет будущий президент независимой Ирландии? Но иногда супружество наводило ее на грустные мысли: «Я люблю и страдаю, – писала она в письме, – это все, что я понимаю теперь; итак, наконец, моя великая душа заключена в тюрьме *женской участи* – ничто не интересует меня, кроме желания, чтобы *он* был счастлив – за это я убить себя готова».

Многие биографы леди Уайльд упрекали ее за противоречивые взгляды на женщин и на семейную жизнь. Она всегда выступала за эмансипацию женщин и даже написала очерк под названием «Рабство женщины», где писала, что вся шеститысячелетняя история человечества – это история «беспомощного смирения женщин перед общественными предрассудками и тиранией законов». С другой стороны, иногда Франческа высказывалась и так: «Добрая, веселая жена – это солнышко в доме, а мозги ей ни к чему, женщинам они не нужны: здравый смысл, терпение, любовь, но больше ничего требовать нельзя», – писала она подруге. «Я была бы гораздо лучшей женой, матерью и домохозяйкой, если бы никогда не бралась за перо. Я так

¹ Здесь и далее, если не оговорено иначе, все переводы стихов и примечания принадлежат переводчику книги – Н.Ю. Живловой.

сильно это чувствую, что никогда не стану поощрять свою дочь к писательству», – сокрушалась она в другом письме. В чем тут дело?

Во-первых, леди Уайльд на себе чувствовала, как тяжело талантливой женщине пробиться в обществе, зарабатывать деньги наравне с мужчинами. На склоне лет, в 1892 году она сказала в интервью: «Если бы была моя воля, ни одной женщине не приходилось бы работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Просто ужасно думать о том, как девушка тратит молодость и красоту на тяжелый труд». Мысль ясна – к чему равенство, если оно не приносит счастья? Во-вторых, Франческа сама была одаренной, талантливыми людьми были и ее муж, и старший сын, и она прекрасно сознавала, что в ее семье вырос гениальный писатель – Оскар Уайльд. На своем опыте она убедилась, что и для творческого человека, и для его жены (или мужа) семейная жизнь – тяжелое испытание. «Услышьте меня, о все вы, одаренные и отмеченные роком, – *гений никогда не должен вступить в брак*, – написала она вскоре после рождения первенца. – Нельзя служить двум господам». В эссе «Гений и брак» она говорит, что «гений – экзотическое растение, которое надо растить на солнце, но обычная, вульгарная жена слишком часто морозит и сушит божественный дух своим мелочным эгоизмом; она всегда требует и никогда не дает». Как же талантливому человеку стать счастливым? «Наверное, больше всего надежды на счастье, – размышляет леди Уайльд, – когда вся семья предпочитает богемный образ жизни, все умны и всем очень нравится жить беспорядочной, импульсивной, бесшабашной жизнью труда и славы, не обращая внимания ни на что, кроме волнующих минут шумной популярности».

Наверное, именно в такой семье 16 октября 1854 года родился будущий писатель, полное имя которого было Оскар Фингал О’Флаэрти Уиллс Уайльд. Еще через три года у Уильяма и Оскара появилась сестра – Изола Франческа Эмили. Потекла обычная семейная жизнь – с днями рождения детей, играми, вылазками на природу, поездками в новый дом в Коннемаре, который приобрел доктор Уайльд. Для своих любимых мальчиков Франческа и Уильям нашли самую лучшую в Ирландии школу – Королевскую школу Портора, которую называли «ирландским Итоном».

Зимой 1864 года Уильям Уайльд получил звание сэра, а его супруга стала леди Франческой. Весь Дублин поздравлял Уайльдов. Но через несколько месяцев сэр Уильям оказался в эпицентре скандала.

Десять лет назад, в 1854 году, в его врачебный кабинет явилась 19-летняя барышня по имени Мэри Трэверс. Семья у нее была, что называется, неблагополучная – родители фактически разошлись, брат страдал душевным заболеванием. Вскоре Мэри и доктор Уильям Уайльд стали встречаться не только как врач и пациентка. Трудно сказать, то ли у них с самого начала были интимные отношения, то ли забота об одинокой, в сущности, девушке лишь постепенно переросла в нечто большее. Уильям помогал Мэри Трэверс деньгами, водил ее в театр, наконец, стал приглашать к себе в дом. Франческа вроде бы не возражала (ни на что серьезное девица претендовать не могла), но в конце концов наглость и истеричность Мэри начали надоедать ей. Она то заходила без приглашения утром в спальню Франчески, когда та предпочитала побыть наедине, то без спросу забирала с собой в церковь детей Уайльдов, то требовала больше денег. В конце концов Франческа была вынуждена попросить Мэри больше не появляться в их доме. Видимо, Уильяму навязчивость Мэри тоже надоела, но «пациентка» доктора Уайльда точно с цепи сорвалась.

За свой счет Мэри опубликовала брошюрку под названием «Флоренс Бойл Прайс, или Предупреждение». В этом опусе Уильям Уайльд и Франческа были выведены под именем четы Квилп (так звали карлика-злодея в «Лавке древностей» Диккенса); «доктор Квилп» якобы пытался оглушить невинную Флоренс (читай – Мэри Трэверс) запахом хлороформа, дабы беспрепятственно ее соблазнить. Досталось и миссис Квилп, то бишь леди Уайльд.

Брошюрка попала ко всем друзьям Уайльдов; они сами получили несколько экземпляров. Но все это были еще цветочки. Во время лекции доктора Уайльда Мэри Трэверс наняла мальчишек-газетчиков, которые стояли около лекционного зала с огромными плакатами и продавали брошюры всем слушателям. Расстроенная Франческа решила уехать в пригород Дублина – Брэй. Но и тут Мэри достала соперницу. Мальчишки с брошюрками стояли по обочинам дороги, творение мисс Трэверс получили все соседи Уайльдов; в конце концов, к своему ужасу, Франческа обнаружила у себя в гостиной разносчика с плакатом и брошюрками, причем одна из брошюр попал в руки семилетней малышки Изолы, которая с удивлением пыталась прочесть, что же тут такое написано про ее родителей. Последней каплей было то, что торговец отказался отдать брошюры Франческе: он продал ей только одну, а остальные забрал с собой.

Взбешенная леди Уайльд написала письмо отцу Мэри Трэверс, где говорилось: «Если она решила себя позорить, это не мое дело; но поскольку, оскорбляя меня, она надеется выбить деньги... то, я думаю, разумно будет сообщить Вам, что никакие угрозы или дополнительные оскорбления никогда не помогут ей получить деньги из наших рук». Старика Трэверса, который давно оставил семью, моральный облик дочери не слишком волновал, но, узнав о письме, Мэри увидела в нем удобный случай еще больше задеть Уайльдов и подала на них в суд за клевету; ее даже не волновало, в каком виде предстанет перед публикой она сама.

Один из биографов родителей Оскара Уайльда, романист Эрик Ламберт, даже предположил, что нездоровое поведение Мэри Трэверс объяснялось отнюдь не любовным безумием. На суде Мэри рассказывала, что в истерике пыталась отравиться настойкой опия, и доктор Уайльд послал ее к врачу за рвотным. Может быть, Мэри просто была наркоманкой и, преследуя Уайльдов, хотела не столько любви Уильяма, сколько новых порций опиума или денег на наркотики?..

Уильям не решился показаться на суде, а вот Франческа явилась в суд и горячо свидетельствовала в пользу мужа. Во время допроса рассказ Мэри показался суду диким: теперь вдруг оказалось, что доктор не травил ее хлороформом, а душил ленточкой от чепчика во время врачебного осмотра. Почему она, если Уильям действительно ее обесчестил (потерпевшая даже не могла точно сказать когда), продолжала спокойно с ним общаться, бывать у него дома, брать у него деньги, почему не обратилась за помощью? Судебный процесс закончился «вничью» – моральный ущерб Мэри Трэверс суд оценил всего в один фартинг, но Уайльдам пришлось заплатить судебные издержки. Одна из газет написала, что в рассказы Мэри «трудно поверить»; Трэверс подала на газету в суд за клевету, но проиграла дело и вынуждена была покинуть Дублин.

Родные и знакомые отнюдь не отвернулись от Уайльдов (как мечталось Мэри Трэверс), но процесс подорвал нервы и здоровье Уильяма. Он заметно сдал, стал выглядеть старым и уставшим. А 23 февраля 1867 года страшная беда обрушилась на Уайльдов – внезапно умерла десятилетняя Изола. Особенно опечален был двенадцатилетний Оскар. Образ сестры неоднократно появлялся в его стихах, а после кончины писателя в его архиве нашли конверт с локонами Изолы, с которым он не расставался. Но на этом несчастья не кончились. Через четыре года обе внебрачные дочери Уильяма Уайльда – Мэри и Эмили – трагически погибли: во время танцев на девушках загорелись пышные юбки-кринолины, и спасти их не удалось. Франческа, как могла, старалась поддерживать Уильяма. Она гордилась сыновьями, которые как раз поступили в университет. Дома собирались то светские знакомые Уайльдов, то веселые друзья Уильяма-младшего и Оскара. Кто знает, может быть, бурное веселье сыновей не шло на пользу опечаленному старику?.. В начале 1876 года он слег. Оскар вспоминал, что к постели больного приходила некая дама под черной вуалью, которая ухаживала за ним. Кто это был? Мать Мэри и Эмили? Мэри Трэверс (есть сведения, что и у нее был ребенок от доктора)? Во всяком случае, Франческа терпела ее присутствие. Уильям Уайльд умер 19 апреля 1876 года.

После кончины мужа положение и самой леди Уайльд, и ее сыновей оказалось весьма плачевным. Доктору Уайльду, может быть, повезло, что он не дождал до кончины старшего сына: его незаконный ребенок, Уильям, также известный врач, пережил отца всего на год. Деньги, которые он оставил в наследство, выручили семью Франчески, но ненадолго. Стало ясно, что с роскошной квартирой в Дублине вскоре придется расстаться. Иногда Франческа даже подписывала свои письма Оскару в Англию – *Senza Speranza* (Без Надежды). Но в то же время она восхищалась успехами сына, и когда его поэтическое творчество было удостоено премии в Оксфорде, она написала ему: «Как же мне хочется прочесть эти стихи. В конце концов, у нас есть *гений* – это то, что адвокаты не могут у нас отнять».

Франческа решила покинуть Ирландию, где была так счастлива, и перебраться в Лондон. Здесь она зарабатывала переводами и журналистикой, редактировала дамские журналы. Правда, советы, которые она давала читательницам, были достойны матери Оскара Уайльда: «Женщина никогда не должна появляться дважды в одном и том же платье. Исключением, конечно, являются лекции о первичных молекулах или о вращении атомов». Но иногда она делилась с барышнями опытом и по более серьезным вопросам: «Подсчитано, что в Лондоне примерно шестнадцать тысяч женщин зарабатывают литературой, то есть среди нас – шестнадцать тысяч пучков аномальных нервов и эмоций, трепещущих чувств, огненных фантазий, бурных страстей и пульсирующих умов; все они работают днем и ночью, чтобы преобразить свои мысли в слова. Хорошо известно, что, дабы помочь процессу сочинительства, всем литераторам нужна особая диета – легкая, прохладная и простая, и точно так же им нужна и особая одежда, также прохладная и простая. <...> Чем меньше оборочек, манжеток и каскадов кружев – тем лучше, ибо пятнышки от чернил не улучшают венецианского кружева, а в минуты божественного безумия или горячего возбуждения авторша нередко может и опрокинуть чернильницу».

В Лондоне Франческа снова завела салон. Иные гости посмеивались и над ее любовью к темноте, и над странной одеждой – Франческа не следовала собственным советам, и на ее пышном лиловом платье (Оскар тоже обожал этот цвет) было множество оборочек и медальонов с семейными портретами. Но многие отмечали и то, что Франческа сохранила свою античную красоту и что из-за ее величественности любой наряд на ней казался прекрасным. В ее салоне бывали У.Б. Йейтс, Брет Гарт, Рескин, Бернард Шоу и даже Элеонора Маркс (дочь Карла Маркса), писательницы Ф.Х. Бернетт, Уйда, М. Корелли.

Вскоре Франческа решила попробовать себя в литературе и написать что-то свое, не переводное. В 1884 году вышла ее первая книга прозы – «Сплавной лес из Скандинавии»; здесь Франческа с юмором рассказывала о своих поездках к шведским и датским друзьям, о своем знакомстве со скандинавской культурой. Книга имела большой успех, и в 1887 году она выпустила «Древние легенды Ирландии».

Франческа гордилась обоими своими сыновьями. Уильям нашел себе работу в газете «Дейли мейл», и его считали способным и популярным журналистом. Некоторым он даже нравился больше, чем Оскар. Со временем Уильям стал внушать матери опасения: ее огорчало и пьянство, и неустроенная личная жизнь сына. Женитьба 39-летнего Уилли на 55-летней американской журналистке и издательнице Мэри Лесли тоже не порадовала леди Уайльд. Вскоре Мэри выставила Уилли за дверь, как говорили, с оскорбительной формулировкой – мол, нет от него никакой пользы ни днем ни ночью. Конечно, Франческа была расстроена, но не могла удержаться от смеха, читая такие заголовки американской желтой прессы. Новой жене сына, Лили, она сочувствовала – тяжело жить с таким человеком, как Уилли. А вот Оскар потерял терпение и перестал общаться с беспутным братом.

Оскар только радовал мать. Франческе пришлось по сердцу его жена Констанция: белокурая девушка словно заменила ей умершую дочь Изолу. Она с гордостью говорила о литературных успехах сына; он помогал ей редактировать дамские журналы. И вдруг как гром с

ясного неба – процесс, где Оскара обвиняли в гомосексуальных связях. Была ли Франческа шокирована образом жизни сына? Скорее всего, нет; во всяком случае, она не осуждала его. Тюремное заключение Оскара оказалось для нее страшным ударом. В начале 1896 года Франческа заболела. Она просила отпустить сына проститься с ней, но ей отказали. 3 февраля 1896 года леди Уайльд скончалась от бронхита.

В тюремной исповеди *De Profundis* Оскар Уайльд писал своему возлюбленному Альфреду Дугласу: «Моя мать, равная по своему интеллекту Элизабет Баррет Браунинг, а по историческому значению – мадам Ролан, умерла от горя, потому что ее сын, чьим гением и творчеством она так гордилась, кого считала достойным носителем славного имени, был приговорен к двум годам принудительных работ... Никто лучше тебя не знает, как я любил ее и как перед ней преклонялся. Ее смерть поразила меня таким ужасом, что я – некогда повелитель слов – не нахожу ни слова, чтобы передать мою муку и мой стыд. Никогда, даже в расцвете своего мастерства, я не мог бы сыскать слова, которые несли бы столь драгоценное бремя, шествуя с подобающим величием сквозь багряное пиршество моей невыразимой скорби. Она вместе с моим отцом завещала мне благородное имя, прославленное не только в литературе, искусстве, археологии и науке, но и в истории народа моей страны, в ее национальном развитии».²

Нина Живлова

² Перевод Р. Райт-Ковалевой и М. Ковалевой.

Легенды, заговоры и суеверия Ирландии

Предисловие

Три великих источника знания, которые открывают перед нами окутанное туманом прошлое человечества, – это язык, мифология и древние памятники страны.

По языку мы можем понять, каких высот в умственной и общественной жизни достиг данный народ в данное время – в искусстве, обычаях и цивилизации, в отношениях человека с человеком и в отношении к материальному и видимому миру.

Мифология народа приоткрывает его связь с духовным и невидимым миром, а древние памятники – кромлехи, столбы, часовни и башни, храмы и гробницы – это торжественные, вечные символы религиозной веры, ритуалы, запечатленные в камне.

Письменное слово, или литература, является последним, наиболее полным и высочайшим выражением интеллекта, культуры и научного прогресса народа.

Народ Ирландии никогда не полагался особо на записанное слово. Ученое сословие, олламы, жили своей жизнью, и их знание оставалось священным. Таким образом, люди полностью полагались на традиции своих праотцев, смешанные с новыми учениями, которые преподавал им христианство, так что эта народная вера со временем стала смесью языческих мифов с христианской легендой, и эти два элемента остаются неразрывно слиты и до сего дня. Мир – это фактически целый том или даже нечто вроде журнала, издававшегося в течение шести тысяч лет, но ирландский крестьянин едва ли перевернул его первую страницу.

Наша книга повествует лишь о мифологии или о фантастической вере ирландцев в отношении невидимого мира – странных и мистических верованиях, которые они принесли с собой тысячи лет назад со своей арийской родины, но которые все еще – даже и в наше время – влияют на весь образ мыслей и действия людей в повседневной жизни.

У всех народов среди образованных классов вера в прямое влияние сверхъестественного на жизнь и постоянное его вмешательство в естественный ход человеческих действий вскоре рассеивается и постепенно исчезает, поскольку знание законов природы разрешает много тайн, которые некогда были необъяснимы, однако многое в мистической связи между духовным и материальным миром все же остается неразрешимым даже для философа. Что же касается необразованных масс, которые ничего не знают о раз и навсегда установленных законах природы, каждое явление им кажется происходящим от непосредственного воздействия какой-то нечеловеческой силы, хотя и невидимой, но вечно присутствующей; она может даровать все блага, однако если ее оскорбить, она может стать неумолимой, и поэтому ее следует задабривать.

Итак, суеверие ирландского крестьянина – это его инстинктивная вера в существование определенных невидимых сил, которые влияют на всю человеческую жизнь; и, принимая во внимание необыкновенно тонкую душевную организацию этого народа, не приходится удивляться, что эти люди привыкли жить в тени и под страхом невидимых сил, которые, действуют ли они на благо или во зло, ужасны и таинственны для необразованного ума: он видит только странные результаты, производимые невидимыми силами, но не имеет даже приблизительного представления о причинах.

Многие ирландские легенды, суеверия и древние заклинания, собранные здесь, были получены в основном из устных сообщений самих крестьян, будь то ирландцев или англо-ирландцев, чья речь хранит столь много выразительных оборотов древнего языка.

Эти рассказы были записаны сведущими людьми, хорошо знающими оба языка, точными, насколько это возможно, словами рассказчика, так что была сохранена значительная

часть первобытной простоты стиля, и наши легенды обладают особой ценностью и уникальностью – ведь они идут прямо из сердца народа.

Уже через несколько лет такой сборник будет невозможен, поскольку древний народ стремительно переселяется в иные земли и в широкий трудовой мир Америки, где со всеми новыми влияниями просвещения и прогресса молодое поколение, хотя и продолжая любить землю своих отцов, едва ли найдет свободную минуту, чтобы помечтать о населенных феями холмах, озерах и крепостях древней Ирландии.

Однако я должна немедленно возразить всем, кто хотел бы считать меня меланхолической «хвалительницей минувших времен»³. Эти исследования прошлого Ирландии – просто выражение моей любви к тому прекрасному острову, который впервые вдохновил меня, дал мне мои самые живые интеллектуальные порывы и подарил самую сильную и искреннюю любовь к стране и ее гению, которые только возможны для женской природы.

Франческа Сперанца Уайльд

³ Цитата из Горация (Наука поэзии. С. 173).

Введение

Древние легенды всех народов мира, на которых были вскормлены поколения людей от века к веку, столь поразительно похожи друг на друга, что мы почти вынуждены поверить, что когда-то было время, когда вся семья человечества разделяла одну веру и один язык. Но когда людей стало больше, им пришлось расселиться; и эта беспрестанная миграция племен земли, начавшаяся с восточной колыбели человеческой расы, продолжается теперь уже тысячи лет с неисчерпаемой энергией.

Из прекрасной страны Эдема в передней части Персидского залива, где росли верования и культура, произошли первые миграции; естественно, они были направлены по течению великих рек – по Евфрату и Тигру и на юг по Нилу, и именно здесь были построены первые могущественные города мира, и первые великие царства Востока начали посылать своих колонистов, чтобы завоевать неизвестный молчаливый мир вокруг них. Из Персии, Ассирии и Египта в Грецию и на острова Средиземного моря отправлялись странствующие племена, которые несли с собой, как знак своего происхождения, обрывки своей первоначальной веры и ломанные выражения своего первоначального языка – эти ранние страницы в истории человеческой расы, вечной и неразрушимой, которые сотни веков не смогли стереть из ума человечества.

Но по мере того, как эти первобытные племена ответвлялись от первоначального ствола, и вера, и язык начали принимать новые формы: под влиянием климата, при виде новых и поразительных явлений природы в землях, где они находили временный приют или постоянный дом, у кочующих людей возникал новый образ жизни и образ мыслей. Тем не менее у всех народов оставался фундамент первоначальной веры и языка, который легко можно проследить через все перемены в человеческой мысли, вызванные обстоятельствами – или более высокой культурой, или, наоборот, падением, которые и язык, и символы вынуждены переживать среди грубых и безграмотных племен.

Восстановление первоначальной веры и языка человечества из этих рассеянных и разбитых фрагментов – задача, которая сейчас столь неотрывно привлекает усилия энергичных и ученых этнографов Европы; однако в том, что касается языка, успехи пока невелики, поскольку было открыто, видимо, не более двадцати слов, которые, по мнению филологов, могут принадлежать к первоначальному языку; оказывается, некоторые предметы или представления во всех языках обозначаются одним и тем же словом, и таким образом, филолог приходит к выводу, что эти слова должны были быть связаны с этими представлениями с самой первоначальной зарей языка, и, поскольку эти слова выражают в основном связи членов семьи друг с другом, они остаются запечатленными в умах кочующих племен, нетронутые и неизменные после всех превратностей их последующего жизненного опыта.

Тем временем в Европе ученые заняты тщательными исследованиями древних мифов, легенд и преданий мира, пытаясь извлечь из них информацию о древнейшем образе мыслей, господствовавшем среди первобытного племени и путей его первоначального расселения, которую никакие другие памятники древности не могут нам дать. Предания, как солнечные лучи, принимают свой цвет от среды, в которой они распространяются; однако ученый, изучающий мифологию, знает, как устранить случайные добавления из истинной первоначальной основы, которая остается устойчивой и неизменной; из многочисленных мифов и легенд народов земли, которые столь похожи друг на друга, что указывают на общее происхождение, он может восстановить первоначальные догматы веры в религии человечества и почти с уверенностью определить первоначальный источник тех путей человеческой жизни, которые теперь пересекают земной шар во всех направлениях. Несомненно, что этот источник всей жизни, религии и культуры, существующих ныне на земле, находился в Иране, или, как мы его еще называем, Персии, и в древних легендах и языке великого иранского народа, главнейшего и

благороднейшего типа из всех арийских рас. Иранцы, одаренные великолепной физической красотой, благородным умом и богатым и музыкальным языком, также имели высокое чувство отношений между человеком и духовным миром. Они не допускали в свои храмы идолов; их Бог был Единым Высшим Творцом и Вседержителем всего: символом его было солнце и чистый огонь как элемент. Однако когда мир стал старше и порочнее, чистые первобытные учения затмились человеческими вымыслами: вместо Бога стали почитаться символы, и в результате получилось низкое идолопоклонничество Вавилона, Ассирии и ханаанеев. Египет – величественный, мудрый, ученый, скорбный Египет – сохранил большую часть первоначальной истины; однако жрецы считали, что истина эта слишком драгоценна, чтобы выдавать ее толпе, и посему они тщательно хранили ее для себя и для собственной своей касты. Они одни знали древнее и тайное значение символов, людям позволяли видеть только внешние и зримые знаки.

Из Египта философия, культура, искусство и религия пришли в Грецию, но греки преобразили все эти блестящие элементы на собственный свой манер и пролили блеск красоты на тяжелую и мрачную мистику Египта. Все уродливое, страшное и отвратительное было изгнано из греческой мифологии. У греков не было представления о дьяволе, и они не верили в ад как отдельное и вечное жилище потерянных человеческих душ. Греческие боги были божественно прекрасны, и все божества наперебой старались помочь тому смертному, что призывал их. Умершие в Аиде скорбели о своей судьбе, поскольку они не могли более наслаждаться блистательной красотой жизни, но не было суровых и пугающих заповедей, которые приговаривали их к мукам вечного наказания. Земля, воздух, небеса и море, бури и солнце, леса и цветы и пурпурный виноград, которым венчали божество, – все это было для поэтической мысли грека проявлением всеобъемлющей духовной силы и жизни. Их верой был возвышенный пантеизм, который видит богов во всем, и при этом над всеми царит один Высший Бог. Свобода, красота, искусство, свет и радость – вот элементы греческой религии, в то время как вечная мудрость, великая Афина, богиня Парфенона, была особым, избранным божеством их собственной, полубожественной расы.

Тем временем другие ветви первоначального иранского племени распространялись по диким лесам Центральной Европы, где они заложили основы великой расы тевтонов и готов, которой суждено было царить над миром; однако для них Природа стала суровой и пугающей матерью, и жизнь казалась бесконечной войной со свирепыми и могущественными демонами элементов – мороза, снега и тьмы, которые губили прекрасного бога Солнца и которые безраздельно царили в то страшное время, когда земля превращалась в железо, а воздух – в лед и, казалось, не было рядом благодетельного Бога, который пришел бы на помощь. Эти невидимые силы изображали омерзительные идола, и их умиротворяли кровавыми обрядами; и люди и боги, которых они изображали, были столь же свирепы и жестоки, как дикие звери в лесу и все грани дикой природы вокруг них.

Но волны жизни человеческой продолжали катиться на запад, пока они не прокатились по всем землям и островам Великого моря; и бродячие моряки в поисках нового дома перешли за Геркулесовы столпы в Западный океан и, продвигаясь вдоль берегов Испании и Франции, стали прародителями народов, которые до сих пор несут на себе печать своего восточного происхождения и известны в истории как кельтское племя; при этом они тщательно хранили обычаи, привычки и традиции, которые их праотцы приобрели в Египте или Греции и передавали их как драгоценное наследство колониям, которые они основали. Из Испании эти древние мореплаватели легко достигли зеленого острова на Западе – именно того, который особо интересует нас, ирландцев. И здесь, в нашей прекрасной Ирландии, последняя волна великой иранской миграции наконец остановилась. Дальнейшее движение было невозможно – неведомый океан казался людям границей мира. Итак, странники первобытной расы с обрывками первоначальной веры и мифических поэтических преданий и особым диалектом своего древнего языка образовали здесь своего рода осадок, который все еще сохраняет свое особое род-

ство с землей-родительницей – хотя все перемены и случайности трех тысяч лет пролетели над этим народом, его легендами и языком. Итак, прежде всего в Ирландии и следует изучать природу и происхождение первобытных племен Европы. Даже форма кельтской головы выказывает решительное сходство с головой греческой расы, существенным образом отличаясь от саксонских и готских типов. Это одно из множества доказательств в поддержку теории, что кельтские народы в своем движении на запад к Атлантике проходили по берегам Средиземноморья, поскольку по всей этой линии мы находим одну и ту же форму черепа. Филологи также утверждают, что ирландский язык ближе к санскриту, чем какой-либо другой из живых и употребительных языков в Европе; в то время как легенды и мифы Ирландии легко можно проследить к далекому Востоку, они ничего общего не имеют со свирепыми и дикими суевериями северной мифологии.

Это исследование легендарной традиции как основания истории человечества теперь считается столь важной отраслью этнологии, что в Париже недавно был основан журнал, полностью посвященный сравнительной мифологии, к сотрудничеству в котором приглашаются ученые всех национальностей: славяне, тевтоны и кельты, причем ирландские легенды считаются особенно важными, поскольку они содержат больше первобытных элементов, чем у каких-либо других западных народов. Все другие страны были неоднократно захвачены чужеземными племенами, народами и расами, но ирландцы остались теми же, что и были, и вместо того, чтобы легко перенять обычаи завоевателей, они настолько покорили их своим обаянием, что сами захватчики стали *Hibernicis ipsis Hiberniores*⁴. Датчане захватили восточное побережье Ирландии на триста лет, однако в ирландских легендах нет никаких следов ни Тора, ни Одина, ни инеистых великанов, ни великого мирового змея Ермунганда; но если мы отправимся в истории мира к началу вещей, когда иранские народы были единственными учителями человечества, мы обретем истинный древний источник ирландской легенды и найдем, что первоначальный материал лишь слегка изменился, в то время как среди других народов эта основа оказалась покрыта густым палимпсестом их собственных выдумок, которые подсказывали им особые местные условия.

Среди древнейших религиозных символов мира – Дерево, Женщина и Змея, – несомненно, воспоминание о легенде о Рае; и почтение к некоторым священным деревьям господствовало в Персии с древнейших времен, оно распространилось среди всех ирландских народов. В Иране было обычаем вешать драгоценные одежды на ветви в качестве votивных приношений; известно, что Ксеркс, перед тем как отправиться на битву, призывал победу именем Священного Дерева и вешал драгоценности и богатые одеяния на ветви. А поэт Саади рассказывает про деревья историю, в которой чувствуется истинно восточный оттенок печального символизма: однажды, как он говорит, он был в гостях у очень богатого старика, у которого был сын – необыкновенный красавец. Однажды вечером старик сказал поэту: «За всю мою жизнь у меня был только этот, единственный сын. Рядом с этим местом растет Священное Дерево, к которому люди прибегают со своими мольбами. Много ночей у подножия этого дерева я молил Бога, пока Он не даровал мне этого сына». Вскоре поле этого Саади случайно услышал, как этот юноша сказал шепотом своему приятелю: «Счастлив я был бы узнать, где растет это Священное Дерево, чтобы мог попросить у Бога смерти своему отцу».

Беднейшие классы в Персии, не имеющие возможности приносить в жертву драгоценные одеяния, имеют обыкновение привязывать к ветвям кусочки разноцветных тканей, и считается, что эти тряпки имеют особую способность излечивать болезни. Такие деревья часто расположены вблизи колодца или могилы святого человека и поэтому считаются особенно священными.

⁴ Больше ирландцами, чем сами ирландцы (*лат.*).

Этот рассказ мог бы относиться к Ирландии, ибо и сама вера, и церемонии в точности совпадают, их и сегодня все еще можно наблюдать и в Иране, и в Эрине. Однако не все деревья считались святыми – только те, на которых не было съедобных плодов, что могут питать людей; может быть, этот предрассудок связан со смутной памятью о древе с плодами зла, в то время как все искали Древо жизни, обещающее дар бессмертия. В Персии особенно почитали платаны, в Египте – пальмы, в Греции – дикие оливы, а кельтские народы – дуб. Иногда среди ветвей зажигали крошечные свечи, и этот огонь как бы изображал присутствие божества. Следует заметить, говоря о родстве ирландцев и иранцев, что древнее персидское название дерева – дар⁵, а ирландцы называют свое священное древо дуб – *darragh*.⁶

Вера в существование племени сверхъестественных созданий, стоящих на полпути между человеком и Высшим Божеством, прекрасных и благодетельных, племени, которое никогда не знало тягот человеческой жизни, также было частью религии иранских народов. Они называли их «пери» или *Ferobers* («фейри»)⁷, и у них есть чудесные легенды о прекрасных *Dukhtari Shah Perivn* – «дочерях царя фей»: мужчины изнемогали от тщетного желания хоть раз увидеть их красоту, но если это желание исполнялось и им удавалось хоть раз посмотреть на пери, они умирали. Все народы верят в существование таких таинственных духов, которые обладают таинственным и могучим влиянием на жизнь и деятельность людей, но все народы представляют их по-разному, согласно местным обычаям и окружающим условиям. Так, русские верят в призрак Украины, прекрасной молодой девушки, одетой в белое, которая встречает странника в пустынных снежных степях и заманивает его, погружая своими поцелуями в роковой сон, от которого он уже никогда не сможет пробудиться. Легенды скандинавов также все отражают их собственный жизненный опыт: скрип и грохот льда – это удар молотка бога Тора, иней – это борода инеистого великана; и когда их солнечный бог Бальдр начинает умирать в день летнего солнцестояния, они зажигают сосновые ветви, чтобы проводить его по дороге вниз, в подземное царство, а когда он после зимнего солнцестояния возвращается в верхний мир, они сжигают рождественское полено и вешают светильники на ели, чтобы осветить ему путь наверх. Эти традиции – пережиток древнего почитания солнца, но и крестьяне, которые возжигают огни Ваала на летнее солнцестояние, и представители высших классов, которые зажигают огни на блестящей рождественской елке, забыли происхождение этого обычая, хотя старый как мир символ и его употребление сохранились.

Сиды, или фейри, Ирландии все еще сохраняют все добрые черты своей старинной персидской расы, поскольку в мягком, ровном климате Ирландии нет страшных природных явлений, которые могли бы найти себе воплощение в каких-то новых образах, а щедрые, веселые эльфы – сами по себе лучшее и наиболее верное отражение ирландского характера, которое только можно было бы придумать. Феи любили музыку, танцы, веселье; и, прежде всего, они всегда хотели, чтобы их оставили в покое и не мешали бы им соблюдать свои собственные эльфийские обычаи и привычки и проводить время по-своему. Кроме того, они, как и ирландцы, обладали тонким чувством права и справедливости, их восхищали щедрая рука и доброе слово. Все укромные места Ирландии были населены этими светлыми, счастливыми, прекрас-

⁵ Слова *dar* и *darragh* действительно родственны (что еще более очевидно, если сравнивать не современные, как это делает леди Уайльд, а древние языки: древнеирландское *daug* и *dāgu* – в языке Авесты), однако этот корень встречается не только в иранских и кельтских, но и почти во всех индоевропейских языках (ср. русское «дерево»). Связь «дриад» с «деревом» несомненна, а вот происхождение термина «друид» спорно, хотя у «древесной» версии до сих пор есть сторонники.

⁶ Можно сравнить также термины «дриады» и «друиды» с тем же корнем и указывающие на тот же самый предмет. (*Примеч. авт.*)

⁷ Предположение о связи иранского «пери» и английского «фейри» (фея) ошибочно. Иранское «пери» происходит от слова *paīkā*, означающего «колдунья, злая женщина», а *faīry* – заимствование из французского языка и в конечном счете из латинского *fatum* – «судьба» (по-итальянски «фея» так и будет – *fata*). Интересный факт: в ирландском языке действительно было слово, родственное иранской «колдунье»-*paīkā*, но это отнюдь не «фея», а древнеирландское *aigech*, что означает «любовница, наложница», то есть тоже в своем роде «плохая женщина».

ными созданиями, и для ирландского характера, который всегда испытывал нужду в духовном, любил все туманное, мистическое, похожее на сон, все сверхъестественное, какое-то неизъяснимое очарование заключалось в мысли о том, что кругом находятся добрые духи, исполненные сочувствием к смертным, страдающим от несправедливости и нуждающимся в помощи. Однако феи иногда могли быть капризными и прихотливыми, как дети, и страшно мстили тем, кто начинал строить что-то на их волшебных кругах или подглядывал за ними, когда они расчесывали свои длинные золотые волосы при свете солнца, или танцевали в лесах, или плавали в озерах. Смерть ждала всех, кто подходил слишком близко или с излишним любопытством вглядывался в тайны природы.

Для ирландского крестьянина земля и воздух были наполнены этими таинственными существами, которых они наполовину любили и наполовину боялись, и поэтому они старались умиловить их лестью, называли «добрым народом», точно так же, как греки называли своих богинь ужаса «эвменидами»⁸. Их голоса слышались в горном эхе, их очертания можно было увидеть в пурпурно-золотом горном тумане; они шептали что-то среди ароматных ветвей боярышника; шорох осенних листьев был звуком шагов маленьких эльфов – красных, желтых, коричневых, – они радостно плясали, утопая в порывах ветра, а ячмень гнулся, качаясь, потому что король эльфов и его двор скакали по полям. Они танцевали бесшумными ножками и ступали так легко, что капли росы, на которых они плясали, лишь дрожали, но не разбивались. Музыка фей была тихой и сладкой, под нее было так же «сладостно млеть», как слыша игру великого бога Пана у реки⁹; они питались лишь нектаром из чашечек цветов, хотя в своих волшебных дворцах они предлагали смертным, которых похищали, великолепные пиры, – но горе тому смертному, кто вкушал эльфийской еды – есть означало смерть. Все беды мира происходят от еды: если бы только Ева воспротивилась искушению и не съела яблоко, то все наше племя могло бы до сих пор жить в раю. Сиды с завистью смотрели на красивых маленьких человеческих детей и крали их, когда только могли, а дети самих сидов и смертных матерей, как считалось, росли сильными и могучими, но характер у них был злой и опасный. Есть также поверье, что каждые семь лет феи должны приносить жертву лукавому, и чтобы спасти своих собственных детей, они стараются похитить какую-нибудь прекрасную смертную девушку и отдать ее князю тьмы.

Догматическая религия и наука уже давно убили в культурной Европе способность творить миф и поэзию. Она существует теперь только как врожденный и инстинктивный дар у детей, поэтов и народов, похожих на детей, таких как ирландцы – простых, веселых, благочестивых и неграмотных, которые не менялись веками, которых их язык отгородил от остальной Европы; наука, культура и холодные насмешки скептиков никогда еще не проникали за этот защитный покров.

Ирландцы с готовностью приняли христианство. В его основе лежал трогательный рассказ о юной и прекрасной Деве-Матери и Боге-Ребенке, он затрагивал глубочайшие чувствительные струны в нежном, любящем и благожелательном сердце ирландца. Однако оно не уничтожило легенды о древних временах, новая христианская вера приняла их и включила в себя. Остались и священные колодцы, и святые деревья, и они стали даже еще более священными благодаря связи с именем какого-нибудь святого. И до сего дня старая мифология держится с силой и жизненностью, не тронутыми никакими признаками слабости или разложения. Греки, которые происходят от того же первоначального племени, что и наш народ, благодаря влиянию высочайшей культуры достигли полноты и совершенства вечной юности, но ирландцы – без культуры – остались вечно детьми, среди которых все еще сильны детские суеверные чув-

⁸ Богинь-мстительниц, эриний (Алекто, Тисифону и Мегеру), греки почтительно именовали «эвменидами» – благодетельницами.

⁹ Леди Уайльд цитирует стихотворение Элизабет Баррет Браунинг «Свирель»: «Сладостно, сладостно, сладостно, Пан! Стелется трель у реки! Сладостно млеть нам, Великий Пан!» (перевод А. Парина).

ства: они способны поверить во что угодно, поскольку, чтобы сомневаться, нужно знать. Они никогда, подобно грекам, не поднимались до понятия о расе, более благородной, нежели они сами, – о людях, более сильных и одаренных, с бессмертным божественным огнем в венах; о женщинах, божественно прекрасных или вдохновленных божеством; но ирландцы и никогда не уничтожали образа Божьего в своих сердцах неверием или неблагочестием. Одно из самых прекрасных и трогательных свидетельств веры в человеческой истории – это неколебимая преданность ирландского народа его старинной религии, несмотря на преследования и жестокие законы, более оскорбительные и унижительные, чем что-либо, что когда-либо одна христианская секта причиняла другой.

При такой благочестивой натуре было бы невозможно сделать ирландцев нацией скептиков, если бы даже целый легион германских рационалистов явился среди них, чтобы проповедовать крестовый поход против всякой веры в духовное и невидимый мир. И древние традиции их племени так крепко держатся в сердцах еще и потому, что ирландцы – артистичный народ; для обожания и любви им требуются предметы, а не просто абстракции, которые может принять в таком качестве их разум. Кроме того, они нация поэтов; Бог всегда рядом с ними; святые, и ангелы, и призрачные создания земли и неба со смесью любви и страха постоянно влекут ум ирландцев в бесконечный, невидимый мир. Возможно, ни одна традиция или обычай, которые берут свое начало в религиозных верованиях, не были утрачены в Ирландии за долгую череду веков с тех пор, как первые люди с Востока прибыли сюда и поселились на наших берегах. На летнее солнцестояние все еще горят огни Ваала, только уже не в честь солнца, а ради Иванова дня; и крестьяне все еще проводят свой скот между двух огней – но не во имя Молоха, как раньше, а во имя какого-нибудь святого покровителя. То, что все ирландские легенды говорят о том, что они пришли с Востока, а не с Севера, совершенно точно; они указывают на теплую землю, а не на страну айсбергов, где гремит гром, когда разбиваются закованные льдом реки, на страну, где тень деревьев и холодный ветерок от сверкающего колодца были дарящим жизнь благословением природы. Почитание колодцев не могло зародиться в такой влажной стране, как Ирландия, где колодцы можно найти на каждом шагу и где земля и небо всегда тяжелы и насыщены влагой. Оно должно было прийти от восточного народа, странствовавшего по сухой и жаждущей земле, там, где открытие колодца казалось вмешательством ангела во благо человеку.

Древние хроники говорят нам и о том, что некогда в Ирландии господствовало почитание змей и что святой Патрик уничтожил змеиного идола Crom-Cruadh (Великого червя)¹⁰ и бросил его в Бойн (отсюда и возникла легенда, что Патрик изгнал с острова всех ядовитых тварей). Поскольку ирландцы никогда не могли видеть змей, которых в Ирландии нет, такой культ должен был прийти с далекого Востока, где это прекрасное и смертельное создание считается символом духа зла; его почитают и умиляют вотивными приношениями, как поступали в Древнем мире со всеми злыми существами в надежде отвратить от людей их ненависть и заставить их проявить жалость и милосердие; точно так же и египтяне умиляли священных крокодилов тонкой лестью и вешали им в уши драгоценные камни. У ирландцев, судя по всему, не было какого-то своего особенного, национального культа. Их погребальные церемонии напоминают Египет, Грецию и другие древние восточные страны, откуда они привезли свой обычай поминок: отсюда пришли надгробные плачи, скорбящие женщины, погребальные игры. В Спарте после кончины царя или великого полководца справляли поминки и устраивали погребальный плач, что не было принято в остальной Греции: спартанцы говорили, что научились этому у финикийян, и их особенный обычай поразительно похож на ирландский. Вспоминали все доблести покойного, и хор нанятых плакальщиц рыдал над телом – у греков

¹⁰ На самом деле это название значит приблизительно «кривой кровавый». О «змеиной» форме этого идола в житиях святого Патрика ничего не говорится, видимо, автор спутала слова *sguim* – «червь» и *sgomn* – «кривой».

они кричали «эллеу», тот же самый крик, что и ирландское «у-лу-лу». Обычай предпочитать женщин мужчинам для погребального плача существовал во всем античном мире, поскольку открытое проявление скорби считалось ниже достоинства мужчины. Именно Кассандра завела плач над телом Гектора, и Елена стала первой возносить хвалу в его честь. Погребальные песни в Египте, Аравии и Абиссинии все очень похожи на ирландские; действительно, надгробный выкрик везде тот же самый, и египетская жалоба «Хай-лу-лу! Хай-лу-лу!», которую возглашали над умершим, возможно, и была первоначальной формой ирландского плача.

Греки всегда старались уменьшить ужас смерти, и именно для этого они учредили погребальные игры; и погребальные церемонии имели вид праздника, где люди ели, пили и совершали возлияния вином в честь умершего. У ирландцев также были свои погребальные игры и особые танцы, во время которых они сбрасывали верхнюю одежду, становились в круг, взявшись за руки, и двигались медленно вокруг скорчившейся в центре круга женщины, закрывавшей лицо руками. Еще одной особой частью церемонии было появление женщины с коровьей головой и рогами, такой же как Ио является в сцене из «Прометея» Эсхила. Эта женщина, возможно, должна была изображать рогатый полумесяц, древнюю Диану, богиню Смерти. Обычай снимать одежды, несомненно, обозначал сбрасывание одежд плоти. Мы ничего не принесли в этот мир и, конечно, ничего не уносим с собой. Душа должна встать непокрытой перед Господом.

На островах западного побережья Ирландии, где до сих пор живы самые древние суеверия, есть странный обычай. Нельзя начинать погребального плача, пока не пройдет трех часов с момента смерти, поскольку, как говорят там, звук рыданий помешает душе говорить с Богом, когда она предстанет перед Ним, и разбудит двух огромных собак, которые следят за душами умерших, пытаясь пожрать их, – и Сам Господь небесный не сдержит их, если они проснутся. Эта традиция поминания умерших в тишине, в тот момент, когда душа стоит перед Богом, – красивое и торжественное суеверие, которое должно было зародиться среди людей, истово веривших в невидимый мир; возможно, оно относится к глубокой древности.

Звук ирландского надгробного плача поразительно торжествен. Никто не может слушать, как тянется это долгое минорное завывание «у-лу-лу» без сильного чувства и даже слез; однажды услышав, его невозможно забыть. Нет ничего оскорбительного для горя в самой мысли о нанятых плакальщицах; напротив, это прекрасная дань уважения умершему – повелеть, чтобы похвалы ему декламировали публично, перед лицом собравшихся друзей. Что-то неопишимо впечатляющее есть в виде этих скорбящих женщин, скорчившихся у погребального ложа с покрытой головой: они качаются из стороны в сторону и возглашают торжественную, древнюю песню смерти с мерным ритмом, иногда она поднимается до пронзительного рыдания. Они кажутся какими-то странными, туманными тенями видения из Древнего мира, и немедленно воображение переносится назад, на столь далекий Восток, в то время, когда все эти погребальные символы имели тайное и жуткое значение. Иногда рыдание, звук подлинного и мучительного горя, прорывается через пение нанятых плакальщиц. Ирландский плач, записанный с уст осиротевшей матери несколько лет назад, в буквальном переводе звучит так: «О, женщины, взгляните на меня! Взгляните на меня, женщины! Видели ли вы когда-либо такую скорбь, как моя? Видели ли вы подобную мне в моей скорби? *Аппа*, мой дорогой, мой дорогой, это твоя мать зовет тебя. Как же долго ты спишь. Видишь ли ты всех этих людей вокруг тебя, мой дорогой, и как я горько плачу? *Аппа*, что это за бледность на этом лице? Воистину, не было равного ему в Ирландии красотой и белизной, твои волосы были тяжелы, как вороново крыло, и твоя кожа была белее, чем ручка знатной дамы. Неужели чужие люди должны нести меня в могилу, а сын мой лежит здесь?»

Эта трогательная жалоба звучит так совершенно по-гречески и по форме и по чувству, что ее можно было бы принять за фрагмент из хора в «Гекубе» Еврипида. Даже «*Аппа*» напо-

минает одно из греческих слов, которые греки часто использовали, начиная предложение или задавая вопрос, хотя, конечно, сходство может быть лишь поверхностным.

Предания и легенды, которые рассказывают крестьяне на ирландском языке, гораздо более дики и странны, и в них гораздо больше духа старого мира, чем в обычных волшебных сказках, которые люди рассказывают по-английски, как можно видеть из следующей мифической истории, переведенной с ирландского; говорят, что ей уже тысяча лет.

Рогатые женщины

Однажды ночью богатая женщина засиделась за расчесыванием и приготовлением шерсти, в то время как вся семья и слуги спали. Вдруг раздался стук в дверь и голос позвал:

– Откройте! Откройте!

– Кто там? – спросила хозяйка дома.

– Я ведьма об одном роге, – был ответ.

Хозяйка, подумав, что кто-то из соседок зовет на помощь, открыла дверь, и вошла женщина; в руке у нее была пара чесалок, а на лбу рог, как будто он всегда был тут. Она молча села у огня и начала чесать шерсть со страшной быстротой. Вдруг она остановилась и сказала:

– Где женщины? Они слишком опаздывают.

Тогда раздался второй стук в дверь, и голос позвал как прежде:

– Откройте! Откройте!

Хозяйка сочла своим долгом встать на этот зов и открыть, и тут же вошла вторая ведьма с двумя рогами на лбу, в руке ее было веретено.

– Дайте и мне сесть, – сказала она. – Я ведьма о двух рогах. – И она принялась прясть со скоростью молнии.

И так продолжались стуки в дверь, слышались крики, и ведьмы входили, пока наконец двенадцать женщин не уселись вокруг огня – первая с одним рогом, последняя с двенадцатью рогами. И они чесали нити, крутили свои веретена, мотали и ткали, пели все вместе древнюю песню, но ни словом не обмолвились с хозяйкой дома. Странно было слушать и страшно смотреть на этих двенадцать женщин с их рогами и их веретенами; хозяйка испугалась до полу-смерти; она силилась встать, чтобы попытаться позвать на помощь, но не могла ни пошевелиться, ни слова сказать, ни закричать, потому что на ней были ведьминские чары.

Тогда одна из них обратилась к ней на ирландском и сказала:

– Поднимись, женщина, и приготовь нам пирог.

Тогда хозяйка стала искать сосуд, чтобы принести воду из колодца, замесить муку и сделать пирог, но она не смогла найти ничего. И они сказали ей:

– Возьми сито и принеси в нем воду.

И она взяла сито и пошла к колодцу, но вода выливалась из него, и она не смогла нисколько принести для пирога; она села у колодца и заплакала. Тогда рядом с ней раздался голос и сказал:

– Возьми желтую глину и мох, соедини их и замажь сито так, чтобы оно держало воду.

Так она и сделала, и сито удержало воду для пирога. И голос снова сказал:

– Возвращайся, и когда ты окажешься в северном углу дома, громко крикни три раза и скажи: «Гора белых женщин» и небо над ней охвачена огнем».

И она так и сделала.

Когда ведьмы внутри услышали эти слова, протяжный и ужасный крик сорвался с их губ, и они бросились вон с дикими стенаниями и визгом и понеслись к Сливнаман¹¹, где было их жилище. Но дух колодца приказал хозяйке дома войти и подготовить дом против колдовства ведьм, если они вернуться снова.

Во-первых, чтобы разрушить их чары, она разбрызгала воду, в которой мыла ноги детям (ножную воду), за дверью на пороге; во-вторых, она взяла пирог, который ведьмы приготовили в ее отсутствие из муки, смешанной с кровью, которую они вытянули у домочадцев, пока те

¹¹ Сливнаман – по-ирландски Sliab na mBan, «Гора женщин» или Sliab na mBan Finn – «Гора белых женщин» – горы на юге Ирландии. Леди Уайльд ошибочно перевела это название как «гора женщин фениев», приняв слово finn – «белый» за «фени», «воины героя Финна» (иногда так называли всех ирландцев вообще), что, конечно, в данном случае не имеет смысла.

спали. И она разломала пирог на кусочки и положила по кусочку в рот каждому спящему, и они тут же поправились; и она взяла ткань, которую они соткали, и положила ее наполовину внутрь, наполовину снаружи сундука с замком; а напоследок она заперла дверь большой перекладной, закрепленной на косяках, так что они не могли войти. И, сделав все это, она стала ждать.

Не прошло много времени, как ведьмы вернулись назад, и они были в бешенстве и призывали к мщению.

– Открой! Открой! – вопили они. – Открой, ножная вода!

– Я не могу, – отвечала ножная вода, – я рассеяна по земле и дорога моя – вниз, к озеру.

– Открой, открой, древесина, и стойка, и перекладина! – крикнули они двери.

– Я не могу, – сказала дверь, – потому что на косяках укреплен перекладина и у меня нет сил сдвинуться.

– Открой, открой, пирог, который мы приготовили и смешали с кровью, – снова закричали они.

– Я не могу, – сказал пирог, – потому что я разломан и разбит и кровь моя на губах спящих детей.

Тогда ведьмы помчались по воздуху с протяжными криками и полетели назад к Сливнаман, проклиная необыкновенными проклятиями дух колодца, который хотел их погубить; но женщину и дом они оставили в покое, а накидку, оброненную одной из ведьм во время полета, хозяйка оставила у себя на память о страшной ночной схватке; и эта накидка оставалась во владении той же самой семьи от поколения к поколению еще пятьсот лет спустя.

Легенда замка Баллитовтас¹²

Следующая сказка, которую я выбрала, написана в более легком и более современном духе. В ней можно найти все обычные элементы волшебной сказки, но для наших детей и нянюшек она станет новинкой, и, будучи хорошо иллюстрирована, могла бы быть приятным и оригинальным дополнением к довольно избитым легендам, на которых до сих пор воспитывались дети многих поколений.

В старые времена там, где сейчас замок Баллитовтас, жил бедный человек по имени Товтас. Это было время, когда манна небесная падала на землю с вечерней росой, и Товтас жил собирая манну и таким образом кормился, потому что он был бедный человек и больше ничего не имел.

Однажды той дорогой проходил разносчик с прекрасной юной дочерью.

– Пусти нас переночевать, – сказал он Товтасу, – потому что мы устали.

И Товтас так и сделал.

На следующее утро, когда они собрались уходить, его сердце затосковало по юной девушке, и он сказал разносчику:

– Отдай мне твою дочь в жены.

– А как ты будешь содержать ее? – спросил разносчик.

– Лучше, чем ты, – ответил Товтас, – потому что она ни в чем не будет нуждаться.

И он рассказал им все о манне: как он выходит каждое утро, когда она ложится на землю с росой, и собирает ее, как его отец и его предки делали это до него и жили благодаря этому всю жизнь, так что ни он, ни его близкие никогда не знали нужды.

Тогда девушка дала понять, что она хотела бы остаться с молодым человеком, и разносчик дал согласие, и они поженились, Товтас и прекрасная юная девушка; и разносчик оставил их и ушел своей дорогой. Так проходили года, и они были очень счастливы и никогда не нуждались; и у них был один сын, красивый статный юноша, и он был настолько умен, насколько и пригож.

Но в должное время старый Товтас умер, и после того, как ее муж был похоронен, женщина вышла собирать манну так, как, она видела, делал он, когда роса ложится на землю; но она скоро устала и сказала себе:

– Почему я должна делать это каждый день? Я сейчас соберу достаточно, чтобы хватило на неделю, а потом смогу отдохнуть.

И так она жадно набрала большую кучу манны и пошла своей дорогой в дом. Но грех жадности лег на нее навечно, и ни крупички манны не упало с росой ни этим вечером, ни когда-либо еще. И она обеднела и ослабела от голода, и должна была идти работать в поле, чтобы заработать на кусок хлеба, чтобы прокормить себя и сына; она выпрашивала медные монеты у людей, идущих в церковь, и платила ими за обучение своего сына в школе; так он продолжал свое учение, и не было в графстве никого, кто сравнился бы с ним в красоте и знаниях.

Однажды он услышал, как люди рассказывают, что где-то в Дублине живет знатный лорд, у которого такая красивая дочь, что подобной ей никогда не видано; и все блестящие молодые джентльмены сходили по ней с ума, но ей никто из них не нравился. И он пришел домой к матери и сказал:

– Я отправлюсь, чтобы увидеть эту дочь знатного лорда. Может, мне повезет больше, чем всем этим блестящим молодым джентльменам, которые влюблены в нее.

¹² Баллитовтас, также Баллинтотас – ныне Баллинтотис (Ballintotis) в графстве Корк, Ирландия. Замок построен, вероятно, в XVI веке и некоторое время принадлежал семейству Фицджеральдов. На данный момент от него осталась одна башня.

– Ну и иди, дурачок! – сказала мать. – Как может бедняк превзойти богачей?

Но он стоял на своем.

– Даже если я погибну по пути, – сказал он, – я все равно попытаюсь.

– Тогда подожди, – ответила она, – до воскресенья, и я отдам тебе половину всего, что получу.

Итак, она дала ему половину денег, которые набрала у церковных дверей, и пожелала ему счастливого пути во имя Господа. Не успел он еще уйти далеко, когда встретился ему бедный человек, который попросил у него какую-нибудь мелочь ради Бога. Тогда он дал ему немного из материнских денег и пошел дальше.

Снова встретился ему другой, и умолял дать что-нибудь во имя Господа, чтобы купить еду, и ему он тоже дал немного и потом отправился дальше.

– Подай мне что-нибудь ради Бога, – воскликнул голос, и он увидел перед собой третьего бедняка.

– У меня ничего не осталось, кроме нескольких пенсов, – сказал Товтас, – если я подам тебе, у меня ничего не будет на еду и я умру с голоду. Но пойдем со мной, и все, что я смогу купить на это, я разделю с тобой.

И по дороге к постоялому двору он рассказал нищему всю свою историю, и как он хотел отправиться в Дублин, но теперь у него не было денег. Так они пришли на постоялый двор, и он попросил хлеба и молока.

– Разрежь хлеб, – сказал он нищему. – Ты старший.

– Не буду, – сказал тот, потому что ему было стыдно, но Товтас настоял на своем.

И так нищий разрезал хлеб, но хотя они ели, он совсем не уменьшался, и хотя они выпили молока сколько хотели, его не стало меньше. Тогда Товтас поднялся, чтобы заплатить, но когда хозяйка подошла и посмотрела, она сказала:

– Как же это? Вы ничего не съели. Я не возьму ваших денег, бедный мальчик.

Но он настоял, чтобы она взяла немного, и они ушли и отправились дальше вместе.

– Итак, – сказал нищий, – сегодня ты три раза сделал мне добро, потому что трижды я повстречался тебе, и ты каждый раз помогал мне во имя Господа. Смотри, и я могу помочь тебе. – И он протянул прекрасному юноше золотое кольцо. – Куда бы ты ни поместил это кольцо, только пожелай – и появится золото, сверкающее золото, так что ты никогда не будешь нуждаться, пока оно у тебя.

Тогда Товтас положил кольцо сначала в один карман, потом в другой, и так, пока все его карманы не стали такими тяжелыми от золота, что он едва мог идти; но когда он обернулся, чтобы поблагодарить доброго нищего, тот исчез.

Итак, дивясь про себя всем своим приключениям, он продолжал идти, пока не оказался наконец в виду дворца лорда, на который стоило полюбоваться, но он не вошел внутрь, пока не купил прекрасную одежду и не стал таким великолепным, как какой-нибудь принц; и затем он смело поднялся, и они пригласили его, говоря между собой: «Наверное, он королевский сын».

И когда настал час обеда, дочь лорда взяла под руку Товтаса и улыбнулась ему. И он пил дорогие вина и потерял голову от любви; но наконец вино одолело его, и слугам пришлось отнести его в постель; и, добираясь до своей комнаты, он уронил кольцо с пальца, но не заметил этого.

Потом, утром, дочь лорда проходила мимо и бросила взгляд на дверь его спальни, а около нее лежало кольцо, которое она видела на его руке.

– Ах, – сказала она, – теперь я подразню его этим кольцом.

И она положила его в свою шкатулку, и ей захотелось быть богатой, как королевская дочь, чтобы королевский сын мог жениться на ней; и, глядя, шкатулка наполнилась золотом так, что она не смогла закрыть ее; и она положила ее внутрь другой шкатулки, и та тоже наполнилась; и тогда она испугалась этого кольца и положила его в карман, как в самое безопасное место.

Но когда Товтас проснулся и обнаружил потерю кольца, сердце его опечалилось.

– Теперь, – сказал он, – удача действительно покинула меня.

И он спрашивал всех слуг, а потом дочь лорда, и она смеялась – по ее смеху он понял, что оно у нее, но никакие уговоры не могли заставить ее вернуть кольцо; когда все оказалось бесполезным, он ушел и направился к своему старому дому.

Товтас был очень несчастен; он рухнул на папоротники около старой крепости, ожидая прихода ночи, потому что не хотел идти домой при свете дня, боясь, что люди будут смеяться над ним за его глупость. И когда смеркалось, три кота вышли из крепости, разговаривая между собой.

– Как долго нет нашего повара, – сказал один.

– Что с ним могло случиться? – сказал другой.

И так они ворчали, пока не подошел четвертый кот.

– Где ты пропал? – сердито спросили они все сразу.

Тогда он рассказал свою историю – как он встретил Товтаса и дал ему кольцо.

– И я как раз отправился во дворец лорда посмотреть, как там повел себя молодой человек; и я прыгнул через обеденный стол, а нож лорда задел мой хвост; три капли крови упали на его тарелку, но он не заметил этого и проглотил их вместе с мясом. Так что теперь у него внутри три котенка и он умирает от боли, и никогда не исцелится, пока не выпьет три глотка воды из колодца Баллитовтаса.

Итак, когда молодой человек услышал разговор котов, он вскочил и пошел, и сказал своей матери, чтобы она дала ему три бутылки полные воды из колодца Товтаса, и решил отправиться к лорду, переодетый доктором, и вылечить его.

Так он вышел и направился в Дублин. И все доктора Ирландии собрались вокруг лорда, но ни один из них не мог сказать, что причиняет ему боль или как вылечить его. Тогда Товтас вошел и сказал:

– Я вылечу его.

Тогда ему предоставили комнату и угощение, и когда он отдохнул, он дал три глотка колодезной воды его лордству, и тут же наружу выскочили три котенка. И был большой праздник, и с Товтасом обращались как с принцем. Но все равно он так и не смог получить кольцо у дочери лорда, поэтому снова отправился домой в полном унынии и говорил себе:

– Если бы я мог снова встретить того человека, который дал мне кольцо, кто знает, может быть, удача снова улыбнулась бы мне?

И он присел отдохнуть в лесу и увидел, как невдалеке три парня ссорились под дубом.

– Стыдно вам так ругаться, – сказал он им. – Из-за чего спор?

Тогда они рассказали ему.

– Наш отец, – сказали они, – прежде чем умереть, зарыл под этим дубом кольцо, с помощью которого ты можешь оказаться в любом месте за две минуты, если только пожелаешь; кубок, который всегда полон, пока стоит, и пуст, если его положить на бок; и арфу, которая играет сама любую мелодию, которую ты назовешь или пожелаешь.

– Я хочу поделить эти вещи, – сказал младший брат, – и тогда каждый сможет пойти и поискать счастья.

– Но я имею право на все, – сказал старший.

И они продолжали ссориться, пока Товтас наконец не сказал:

– Я скажу вам, как уладить дело. Приходите все сюда завтра, а я обдумаю это дело за ночь, и я обещаю, что вам не из-за чего будет больше ссориться, когда вы придете утром.

Итак, братья обещали оставаться добрыми друзьями до утренней встречи и ушли.

Когда Товтас увидел, что отделался от них, он выкопал кольцо, кубок и арфу и сказал:

– Теперь у меня все в порядке, а им больше не о чем будет спорить утром.

И снова отправился он в замок лорда с кольцом, кубком и арфой; но вскоре он вспомнил о силе кольца и через две минуты уже был в большом зале, где все лорды и леди как раз сидели за обедом; и арфа заиграла нежнейшую музыку, и все слушали в восхищении; и он пил из кубка, который никогда не пустел, а потом, когда голова его немного закружилась, он сказал:

– Ну, хватит.

И, обхватив рукой стан дочери лорда, он схватил свою арфу и кубок другой рукой и прошептал:

– Хочу, чтобы мы оказались около старой крепости со стороны леса.

И в две минуты они оба попали в нужное место. Но его голова отяжелела от вина, и он положил арфу рядом и заснул. И когда она увидела, что он спит, она сняла кольцо с его пальца, подняла с земли арфу и кубок, и не прошло и двух минут, как она вернулась домой, во дворец своего отца.

Когда Товтас проснулся и обнаружил, что и предмет его мечтаний, и все его сокровища, которые были рядом, исчезли, он чуть не сошел с ума и бродил по окрестностям, пока не вышел к фруктовому саду, где увидел дерево, покрытое румяными красными яблочками. Так как его томили голод и жажда, он сорвал одно и съел, но едва он успел его проглотить, из его лба начали расти рога, и они становились все больше и длиннее, пока он не понял, что с виду он вылитый козел, и, что бы он ни делал, он не мог избавиться от них. Тогда он действительно обезумел, воображая, как соседи будут смеяться над ним; и когда он бушевал и вопил от стыда, он заметил другое дерево с яблоками еще более красивыми и румяно-золотыми.

– Пусть у меня вырастет хоть пятьдесят пар рогов, я должен их попробовать, – сказал он; и, схватив одно яблоко, он попробовал его, и как только он сделал это, рога сразу отпали, и он почувствовал, что выглядит сильнее и красивее, чем раньше.

– Ну, теперь наконец-то она моя, – воскликнул он. – Теперь я всем им приделаю рога и не уберу их, пока они не отдадут мне ее в невесты перед всем двором.

Без промедления он отправился во дворец лорда, захватив с собой столько яблок с обоих деревьев, сколько смог унести. И когда они увидели красоту плодов, они страстно пожелали их; и он отдал им все, так что в конце концов во всем пиршественном зале не осталось ни одной головы без рогов. Тогда они закричали и стали умолять избавить их от рогов, но Товтас сказал:

– Нет. Они останутся, пока дочь лорда не отдадут мне в невесты и не вернут мне все – два моих кольца, мой кубок и мою арфу.

И это было сделано перед лицом всех лордов и леди; и его сокровища были возвращены ему, и лорд вложил руку своей дочери в руку Товтаса, сказав:

– Бери ее, она твоя жена, только освободи меня от рогов.

Тогда Товтас достал золотые яблоки; все поели их, и рога отпали; и он забрал свою невесту и свои сокровища и перенес их домой, где он построил замок Баллитовтас на том месте, где стояла хижина его отца, и окружил колодец стенами. И когда он наполнил свою сокровищницу золотом так, что никто не смог бы счесть его богатства, он зарыл свои волшебные сокровища глубоко в землю, и ни один человек не знал где, и ни один человек не смог найти их до наших дней.

История о волке

Превращение в волка – любимая тема ирландских легенд, и, собравшись в зимние ночи вокруг очага и подкидывая торф в огонь, крестьяне рассказывают множество ошеломляющих историй о странных приключениях с волками. Эти истории пришли к ним от предков в древние, стародавние времена – ибо теперь волков в Ирландии уже нет.

Итак, один юный крестьянин по имени Коннор потерял однажды из своего стада двух прекрасных коров, и никто о них ничего нигде не знал и не мог рассказать ему. Так что он решил отправиться искать их по всей стране; взял он в руку прочную терновую палку и пошел своей дорогой. Он шел весь день, проходя милю за милей, но коров своих так и не увидел. Настал вечер, и стало уже очень темно; Коннор устал и проголодался, и кругом не было места, где можно было бы устроиться на ночлег – ибо он оказался в самой середине мрачной, безлюдной вересковой пустоши; не было видно ни одного жилища, если не считать длинного, низкого, грубо построенного амбара, где могли бы жить одни лишь разбойники или дикие звери. Но из щели между досками все-таки пробивался свет, и Коннор собрал все свое мужество, подошел и постучал в дверь. Немедленно ему открыл высокий, худой, седовласый старец с пристальными темными глазами.

– Входи, – сказал он, – и привет тебе. Мы тебя ждали. Вот моя жена. – Старец подвел его к очагу, где сидела старая, худая, седовласая женщина с длинными острыми зубами и страшными сверкающими глазами.

– Привет тебе, – сказала она. – Мы тебя ждали, пора ужинать. Садись и поешь с нами.

Хотя Коннор был храбрым парнем, даже он слегка удивился при виде этой странной особы. Однако поскольку у него с собой была прочная палка, он решил, что в случае чего сможет побороться за свою жизнь и за право идти дальше, а пока можно и отдохнуть и поесть, поскольку он уже проголодался и устал, а теперь уже была черная ночь, и ему было не найти дороги обратно домой, даже если бы он и хотел. Так что парень сел у очага, пока старуха помешивала варево на огне. Однако Коннору казалось, что она все время следит за ним своими пристальными зоркими глазами.

Затем в дверь постучали. Старик встал и открыл. В дверь вошел молодой, красивый черный волк; он немедленно прошел по комнате во внутренние покои дома, и через несколько минут оттуда вышел черноволосый, стройный, красивый юноша, который сел за стол и внимательно посмотрел на Коннора своими сверкающими глазами.

– Привет тебе, – сказал он, – мы тебя ждали.

Коннор не успел ответить, как снова послышался стук, и вошел второй волк, который также прошел внутрь дома, как и первый, и вскоре еще один черноволосый красивый юноша вышел и сел с ними ужинать, пристально глядя на Коннора своими зоркими глазами, но ничего не сказал.

– Это – наши сыновья, – пояснил старик. – Скажи им, чего ты хочешь и зачем ты пришел к нам, поскольку мы живем одни и не хотели бы, чтобы здесь за нами следили и чтобы сюда являлись чужие люди.

Тогда Коннор рассказал свою историю, сказал, что потерял двух прекрасных коров, и искал весь день, и не нашел никакого следа их; что не знает ничего о том месте, где очутился, ни о добром господине, который пригласил его поужинать; но если бы они просто могли ему сказать, где он сможет найти своих коров, он был бы им очень благодарен и тут же отправился бы домой.

Все они расхохотались и посмотрели друг на друга, и старая женщина показала Коннору еще страшнее, чем раньше, когда она обнажила свои длинные острые зубы.

На это Коннор уже разозлился – он вообще был парень горячий, крепко схватился он за свою терновую палку, встал и потребовал, чтобы они открыли ему дверь: он-де пойдет своей дорогой, раз они его не слушают и только насмеются над ним.

Тогда старший из юношей встал.

– Подожди, – сказал он, – конечно, мы свирепы и злы, но доброты мы никогда не забываем. Разве ты не помнишь, как однажды в долине ты нашел бедного маленького волчонка, ему было так больно, и он уже был готов умереть, ибо острая колючка пронзила ему бок? А ты был так добр, что вытащил колючку и дал ему напиток, и пошел своим путем, оставив его мирно отдыхать?

– Да, конечно, я хорошо это помню, – сказал Коннор, – и помню, как бедный маленький зверек в благодарность лизнул мою руку.

– Хорошо же, – сказал юноша. – Я и был тот волк, и я помогу тебе, если смогу, только останься у нас сегодня ночью и ничего не бойся.

Так они сели снова ужинать и весело пировали, а затем все крепко заснули, и Коннор уже ничего не помнил до того, как проснулся утром и оказался у огромного стога на своем собственном поле.

«Конечно же, – подумал он, – то, что приключилось прошлой ночью, совсем не было сном, и когда я приду домой, я, конечно, найду своих коров, ибо этот прекрасный и любезный молодой волк обещал мне помочь, и я уверен, что он меня не обманет».

Но когда он пришел домой и оглядел двор, коровник и поле, то оказалось, что коров нигде нет, и даже нет никакого их следа. Поэтому Коннор очень расстроился и пал духом. Но тут рядом в поле он разглядел трех самых прекрасных (и странных) коров, которых когда-либо видел. «Наверное, случайно забрели, – сказал он сам себе, – с чьего-то соседского поля». Он взял большую хворостину, чтобы прогнать их через ворота в поле. Однако когда он дошел до ворот, там стоял молодой черный волк и смотрел на него, а когда коровы попытались пройти через ворота, зверь клацнул на них зубами и отогнал обратно. Тогда Коннор понял, что его приятель-волк сдержал свое слово. Так что он позволил коровам спокойно вернуться на поле; и там они и остались, и стали самыми лучшими коровами во всей стране; их потомки живут и здравствуют и по сей день, а сам Коннор стал богатеть и процветать, ибо ни одно доброе дело не остается без награды – оно навеки приносит счастье тому, кто его сделал, как говорится в старой пословице:

Благо сотворил – счастье получил.

Но Коннор потом уже никогда не мог попасть на ту вересковую пустошь и найти тот одинокий амбар, хотя он искал повсюду, потому что хотел поблагодарить хозяев, ибо он чувствовал себя обязанным своим друзьям-волкам; и никогда он больше не встречал никого из этого семейства, но каждый раз горевал, когда в город для награды приносили убитого волка, боясь, что на сей раз жертвой мог оказаться его добрый друг. А в то время волков в Ирландии стало так много (ибо страна была опустошена постоянными войнами), что за каждую волчью шкуру, которую приносили на двор к судье, назначили награду и платили большие деньги. Было это во время королевы Елизаветы, когда английские войска беспрестанно воевали с ирландским народом, и в Ирландии уже было больше волков, чем людей, и сотни мертвецов лежали непогребенными у больших дорог, ибо не хватало рук, чтобы выкопать им могилы...

Дурной глаз

Ничего другого так не боятся люди, ничто не считают они таким погибельным, как дурной глаз.

Дурной глаз может поразить человека в любой момент, если только не предпринимать самых величайших предосторожностей, и даже в таком случае невозможно помочь по-настоящему, если только не пригласить волшебника-целителя, который может изречь то тайное заклинание, которое одно может уничтожить зло и его роковое воздействие.

Дурной глаз может действовать множеством разных способов, и некоторые из них бывают гораздо страшнее других. Если некий человек окажется первым, кого вы встретили утром, то во всех ваших делах вам весь день не будет удачи. Если человек с дурным глазом остановился и внимательно смотрит на что-либо – на скот или на дитя, его взгляд несет в себе приговор: это рок, которого нельзя избежать, если только не прибегнуть к мощному защитному заклинанию. Однако если такой зложелатель произнесет над спящим ребенком стих, то ребенок непременно умрет, ибо это – песнопение нечистого, и ни одно заклинание не может сопротивляться злу или отворотить его. Иногда можно заколдовать, глядя на предмет внимательно через девять пальцев; это колдовство наносит особенный ущерб жертве, если та сидит у огня вечером при полной луне. Поэтому, чтобы не заподозрили в том, что у тебя дурной глаз, необходимо, посмотрев на ребенка, сразу же сказать «Благослови его Господь». А проходя по двору, где собирают коров для доения, надо сказать: «Божье благословение на вас и на всех ваших трудах». Если этого не сказать, то можно ждать самого худшего, и людей переполнит страх и тревога, если, конечно, тут же не вымолвить защитное заклинание.

Особое зловещее влияние взгляда, конечно, чувствовали в своей жизни многие люди; иногда само присутствие в комнате того, кто каким-то таинственным образом антипатичен нашей натуре, оказывает воздействие, которое словно парализует разум и речь. Ибо душа подобна тонко настроенной арфе, которая дрожит от малейшего внеш него воздействия; взгляд и присутствие некоторых людей рядом с нами могут излучать божественную радость, в то время как иные могут убить душу презрительной насмешкой или нахмуренным взором. Это незаметное воздействие мы зовем мистическим, но древние племена считали, что производят его духи – будь то добрые или злые – и что они воздействуют на нервы или на интеллект.

Несколько лет назад в Керри жила одна пожилая женщина, и считалось, что встреча с ней утром обещает такое несчастье, что все девушки имели привычку выходить после заката, чтобы принести воды на следующий день, дабы избежать ее злого взгляда – ибо всему, на что смотрела она, ее взгляд сулил потери и горе.

Был и мужчина, которого также боялись из-за странной, роковой силы его взгляда; так много бед и несчастных случаев приписывали его присутствию, что наконец его соседи настояли, чтобы он носил черную повязку поверх своего «дурного глаза» и не снимал ее, кроме тех случаев, когда его об этом просят, ибо иные ученые джентльмены, которые интересовались такими вещами, иногда приходили к нему и просили доказательств его силы, и он делал это на спор, пока пил со своими друзьями.

Однажды, близ руин старого замка, он встретил мальчика, который в большом горе плакал над своим любимым ручным голубем, который залетел на вершину постройки, и ничем нельзя было сманить его вниз.

– Что ты дашь мне, – спросил мужчина, – если я спущу его вниз для тебя?

– Дать мне нечего, – сказал мальчик, – но я помолюсь за тебя Богу. Только верни мне моего голубка, и я буду счастлив.

Тогда мужчина снял свою черную повязку и пристально посмотрел на птицу; и голубь внезапно упал на землю и лежал недвижимым, как будто пораженный молнией, но он не пострадал, и мальчик забрал его и радостный отправился домой.

У одной женщины в графстве Голуэй был очень красивый ребенок, такой красивый, что все соседи никогда не забывали сказать «Благослови его Бог», когда видели его, ибо они знали, что феи обязательно захотят украсть маленького и унести его к себе в холмы.

Но однажды случилось так, что пришла одна чужая старая женщина. «Позволь мне отдохнуть, – сказала она, – я ведь так устала». И она села и посмотрела на ребенка, но так и не сказала «Благослови его Бог». Отдохнув, старуха поднялась, снова внимательно молча посмотрела на малыша и затем пошла своей дорогой.

Всю последующую ночь ребенок рыдал и не мог уснуть. А весь следующий день он ныл, как будто бы от боли. Так что мать сказала об этом священнику, но он из страха перед феями не хотел ничего сделать. Бедная мать была просто в отчаянии; и тут как раз она увидела, как какая-то чужая женщина проходит мимо дверей.

– Кто знает, – сказала мать своему мужу, – может быть, эта женщина и поможет нам?

И они попросили ее зайти и отдохнуть. И, посмотрев на ребенка, женщина тут же сказала: «Благослови его Бог», и три раза сплюнула на него, и затем уже села.

– Что же ты дашь мне, – сказала она, – если я тебе скажу, из-за чего страдает ребенок?

– Я покрою твою руку серебром, – сказала мать, – столько, сколько ты хочешь, только скажи! – И она выложила деньги на руку женщины. – Теперь скажи мне правду, ради и во имя Марии и добрых ангелов!

– Что ж, – сказала незнакомка, – феи забрали твоего ребенка на эти два дня в холмы, и тот, кого они оставили на его месте, – подменыш. Но твоему ребенку уже сказали столько благословений, что феи не могут ему повредить. Ибо ему не хватило только одного благословения, и только один человек посмотрел на него дурным глазом. Теперь ты должна выследить эту женщину, затащить ее в дом и тайком отрезать кусок ее плаща. Затем сожги этот кусок рядом с ребенком, покуда дым от него не заставит малыша чихнуть; и, когда это случится, чары будут разбиты, и твой собственный ребенок вернется к тебе живым и здоровым вместо этого подменыша.

Затем незнакомка встала и ушла.

Весь тот вечер мать высматривала старуху и наконец увидела ее на дороге.

– Заходи же! – воскликнула она. – Заходи, добрая женщина, ибо у нас на сковородке – горячие оладьи и ужин готов.

Стало быть, женщина зашла, но так и не сказала «Да благословит вас Бог» ни людям, ни каким-либо другим живым существам, она только мрачно смотрела на ребенка, который кричал еще больше, чем раньше.

А мать сказала своей старшей девочке втайне отрезать кусок ткани от плаща женщины, когда они сели за ужин. И девочка сделала так, как она хотела, и отдала лоскут своей матери, и никто не знал об этом. Но, к их удивлению, как только это было сделано, женщина встала и вышла, не сказав никому ни слова, и больше они ее не видели.

Затем отец вынес ребенка на улицу, и сжег кусок ткани перед дверью, и держал мальчика над дымом, покуда он три раза сильно не чихнул, после чего он вернул ребенка обратно матери, которая уложила его в постель; там он мирно заснул с улыбкой на лице и уже больше не плакал таким болезненным криком. И когда он проснулся, мать поняла, что снова получила обратно от фей своего любимого мальчика, и ничего плохого с ним больше не случилось.

Влияния таинственной и зловещей силы дурного глаза во все времена чрезвычайно боялись как в Ирландии, так и в Египте, в Греции или в Италии, вплоть до сего дня. Все, что юно,

прекрасно или совершенно в своем роде и что возбуждает естественное внимание и восхищение, особенно подвержено роковому воздействию, которое следует за взглядом дурного глаза. Поэтому у крестьян существует неистребимая привычка никогда не хвалить ничего, не добавив немедленно «Благослови его Бог», ибо если эту формулу пропустить, то тому, что таким образом похвалят, суждено самое худшее.

Это суеверие в Ирландии, должно быть, очень древнее, ибо в одной древней рукописи сказано, что Балор, гигант и герой племени фоморов, был способен своим взглядом заставить врагов окаменеть; вот как рассказывают о том, как он получил такую власть.

Однажды друиды были заняты своими заклинаниями; в их котле кипели какие-то чары или заклятие; мимо как раз проходил юный Балор. Ему было любопытно посмотреть на их работу, и он заглянул в открытое окно. Случилось так, что именно в эту минуту они подняли крышку котла, из него вырвался пар и попал в один из глаз Балора; этот пар нес в себе весь яд того заклинания. От этого его лоб вырос до таких размеров, что нужно было четыре человека, чтобы поднять его, когда он хотел применить к врагам силу своего ядовитого взгляда. Наконец он, согласно древней легенде, был убит за много веков до христианской эры в поединке на великой долине Маг Туиред (Долина Башен)¹³, в битве за обладание Ирландией между Фир Болг и племенами богини Дану – ибо когда голову Балора еще не успели поднять, чтобы он пронзил врага и уничтожил его страшной силой своего взгляда, враг бросил камень, да так сильно, что он прошел прямо через дурной глаз и пронзил череп Балора, и великий маг упал и больше уже не поднялся.

Интересный рассказ об этой битве, который замечательным образом подтверждает касающиеся ее легенды, все еще ходит в тех местах, его приводит сэр Уильям Уайльд в своей работе «Лох-Корриб, его берега и острова». В древней рукописи сказано, что, когда молодого героя, защищавшего своего короля, убили, Фир Болг воздвигли над ним курган, и каждый принес свой камень, с тех пор тот курган называется *Caen-in-en-Fhir* (каирн¹⁴ одного человека). Исследовав местность с копией рукописи в руке, сэр Уильям среди множества каменных гробниц, рассеянных по равнине, выделил определенный каирн, который, как кажется, наилучшим образом согласуется с описанием, и тщательно раскопал его под своим личным наблюдением.

Сначала была обнаружена большая каменная плита, положенная горизонтально; затем под ней оказалась другая, покрывавшая небольшую квадратную камеру, сложенную из камней, в которой находилась одна урна из обожженной глины, изящная и деликатная по форме и орнаменту; в ней находились обожженные человеческие кости. Нельзя сомневаться в том, что они принадлежали юноше из племени Фир Болг, которого таким образом почтили за верность, воздвигнув над ним Карн-ин-эн-Ир на исторической равнине в Мэйю.

Помимо Балора, в древности есть еще только один пример рокового воздействия дурного глаза¹⁵; он рассказан в житии святого Силана: у него на лбу был ядовитый волос, который убивал любого, кто смотрел на него первым по утрам. И поэтому все, кто устал от жизни – будь то от долгой болезни, или от горя, или просто от усталости, что приходит с годами, – обычно пытались попасть святому на глаза, чтобы их страдания завершились быстрой и легкой смертью. Но другой святой святой Молайше, прослышав о том, что святой Силан собрался посетить его церковь, решил, что отравленный волос больше не должен нести никому смерть. Поэтому

¹³ Теперь Мойтура.

¹⁴ Каирн (от др. – ирл. *cairn*) – курган из камней.

¹⁵ Это не вполне соответствует действительности. В средневековой ирландской литературе есть и другие упоминания о дурном глазе (*s'uil milledach*); специальную работу посвятили этому филологи Ф. Келли и Ж. Борщ. Например, в житии святого Киарана из Сайгира рассказывается о короле Коброне, дурной глаз которого убил юного наследника короля Мунстера. Англичанин У. Кэмден в начале XVII века так описывал ирландский обычай: «Если человек похвалит лошадь или любое другое живое существо, он должен кричать «спаси его Бог» или плюнуть на него». Если же, несмотря на это, похваленный заболел, нужно было найти того, кто похвалил, и заставить его сказать на ухо больному «Отче наш».

Молайше встал рано утром, до того как поднялись все остальные, и пошел сам навстречу святому Силану; увидев, что тот идет по дороге, он смело приблизился и выдернул смертельный волос со лба Силана, но при этом он сам был сражен ядом и тут же упал мертвым.

Силу дурного глаза признают и законы брегонов¹⁶: там предписываются суровые меры против тех, кто пользуется этим дурным влиянием. «Если человек имеет обыкновение повреждать вещи из-за небрежения или по собственной воле, будь то, что он благословил, или то, что он не благословил, он несет за это полную ответственность или должен возместить нанесенный ущерб» – так говорит древний закон.

Этот «дар» приходит от природы и рождается вместе с человеком, хотя он может и не применяться, пока не возникнут обстоятельства, способные вызвать его проявление. Возникнув, он действует как дух горькой и злобной зависти, излучающий отравленную атмосферу, в которой холодеет и увядает все, чего она касается. Даже не будучи суеверным, каждый человек хоть раз почувствовал, что такая сила есть, и оказывался беспомощным и пассивным под ее воздействием, как будто бы вся уверенность в себе, вся энергия внутренней силы оказалась полностью парализована этим влиянием.

Крестьяне очень боятся тех, кого подозревают в дурном глазе, и сразу узнают их по определенным признакам. Особенно боятся мужчин и женщин с темными низкими бровями, и красивым детям не дают попадаться им на глаза, чтобы те не сглазили их.

Самыми зловещими считаются рыжие волосы, и это даже вошло в поговорку: «Не давай рыжей заглядываться на тебя».

Многие люди и не подозревают, что их взгляд или нахмуренное лицо имеют такую злую силу, пока не произойдет какого-нибудь несчастья, и потом они уже стараются не смотреть никому прямо в лицо, но избегают взгляда, когда говорят с людьми, чтобы тех, с кем они беседуют, не постигло несчастье.¹⁷

Спасительное заклинание «Благослови его Бог!» обычно используется, когда хотят кого-то похвалить, и если ребенок заболевает, то немедленно начинают подозревать, что кто-то со зла, из недоброжелательства забыл сказать эти обычные слова. Ничего крестьяне не боятся больше, чем открытого, пристального, прямого взгляда того, кого подозревают в наличии дурного глаза, и если такой взгляд падет на них, то их охватывает жуткий страх и сердечный трепет, который зачастую заканчивается болезнью или даже смертью.

Несколько лет назад одна женщина, жившая в Керри, заявила, что ее-де сглазил дурной глаз. Не было в ее жизни ни счастья, ни покоя, и она чахла от охватившего ее страха, вызванного следующим странным происшествием.

Каждый раз, когда ей случалось одной уходить из дому и на расстоянии крика не было никого, ей навстречу попадалась женщина, которую она совершенно не знала, которая молча глядела на нее с жутким выражением лица, швыряла ее на землю и начинала бить и щипать ее, пока та почти что не теряла сознание, после чего ее мучительница исчезала.

Пережив такое обращение несколько раз, бедная женщина в конце концов совершенно перестала выходить из дому без служанки или спутника; и она соблюдала эту предосторожность в течение многих лет – в это время никто не нападал на нее. Так что в конце концов она начала верить, что чары разрушены и что ее странный враг исчез навсегда.

¹⁶ Законы брегонов (brehon – искаженное в английской передаче древнеирландское brithem – «судья») – распространенное в литературе XIX века название памятников древнеирландского права. В Ирландии VI—XVI веков существовала особая правовая система: в отличие от остальной Европы, Ирландия ни в какой форме не переняла нормы римского права. Дошедшие до нас правовые тексты и комментарии к ним в опубликованном виде занимают более 2000 страниц.

¹⁷ В Европе сейчас распространено странное убеждение, что один из наиболее выдающихся монархов, живущих ныне, обладает этим роковым даром и силой дурного глаза. (Примеч. авт.)

Поэтому она стала меньше прибегать к своим обычным предосторожностям и однажды вышла одна к небольшому ручью, который протекал у дома, чтобы постирать кое-какую одежду.

Наклонившись над своей работой, она и не подозревала ни о какой опасности и даже начала петь, как делала это в беззаботные дни, когда на ней еще не лежали злые чары, – внезапно черная тень пала на воду, и, подняв глаза, она, к ужасу своему, увидела ту самую странную женщину на противоположной стороне ручья; ее жуткие глаза были устремлены прямо на нее, взгляд был тверд и недвижим, как камень.

Вскочив с криком ужаса, женщина отшвырнула свою работу и побежала к дому; но вскоре она услышала за спиной шаги, и в ту же секунду ее схватили и бросили на землю, и ее мучительница начала избивать ее еще хуже, чем раньше, пока она совсем уже не потеряла сознание; в таком состоянии ее нашел муж – она лежала на земле, лицом вниз, потеряв дар речи. Ее немедленно унесли в дом и стали ухаживать за нею со всей заботой, которую только могли дать родственная привязанность и деревенская сноровка – но все было тщетно. Женщина, однако, достаточно пришла в себя, чтобы рассказать о страшной встрече, которую пережила, но еще до конца ночи она скончалась.

Считалось, что силой зачаровывать взглядом – а это не обязательно злая сила, вроде дурного глаза – в замечательной степени обладают ученые и мудрые люди, в особенности поэты, так что они могут заставить любить себя и следовать за собой любую девушку, которая им понравится, – просто одной силой своего взгляда. Году примерно в 1790-м один молодой человек, обитавший в графстве Лимерик, обладал этой силой в особенной и необыкновенной степени. Он был искусным и остроумным сочинителем стихов на ирландском языке и, возможно, обладал теми самыми глубокими поэтическими глазами, которые характерны для горячих и страстных поэтических натур, – такие глаза даже без всякой некромантии, как известно, оказывают могущественное магнетическое влияние на женские умы.

Однажды, путешествуя вдаль от дома, он наткнулся на яркий и приятного вида деревенский дом, и, почувствовав усталость, остановился и попросил дать ему попить молока и отдохнуть. Дочь фермера – юная и прекрасная девушка – не желала пустить в дом чужого; все служанки были заняты взбиванием масла, она была в доме одна и поэтому отказалась его пустить.

Юный поэт внимательно и серьезно смотрел ей в лицо молча некоторое время, затем медленно обошел дом с левой стороны и подошел к небольшой рощице деревьев как раз напротив него. Здесь он постоял несколько минут, опершись об дерево и смотря на дом, как будто чтобы бросить на него последний мстительный – или же восхищенный – взор, а затем пошел, не оборачиваясь, своим путем.

Юная девушка смотрела на него из окна и в тот момент, когда он тронулся в путь, вышла в двери, как будто бы во сне, и медленно последовала за ним, шаг за шагом, по дороге. Служанки встревожились и позвали ее отца, который выбежал и, громко крича, требовал, чтобы она остановилась, но она так и не обернулась и, казалось, вообще ничего не слышала. Молодой человек, однако, обернулся и, видя, что все домочадцы бросились в погоню, пошел быстрее, сначала пристально секунду посмотрев на девушку. Немедленно она бросилась к нему, и они оба уже почти скрылись из вида, когда одна из девушек заметила кусочек бумаги, привязанный к ветви дерева, у которого отдыхал поэт. Из любопытства она сняла его, и в тот момент, когда служанка развязала узелок, дочь фермера внезапно остановилась, совершенно успокоилась, и когда ее отец подошел, она безо всякого сопротивления позволила ему увести ее обратно в дом.

Когда ее стали расспрашивать, она сказала, что чувствовала, как будто бы ее тянет следовать за юным незнакомцем, куда бы он ни пошел, какая-то невидимая сила, и что она готова была последовать за ним по всему миру, ибо ей казалось, что вся ее жизнь связана с ним; у нее не было воли сопротивляться, и она не осознавала ничего, кроме его присутствия. Однако вне-

запно чары разрушились, и она услышала голос отца и поняла, как странно себя вела. В то же время власть юноши над нею исчезла, и в сердце ее больше не было желания следовать за ним.

Когда бумагу открыли, оказалось, что в ней – пять таинственных слов, написанных кровью, в таком порядке:

Sator

Arepo

Tenet

Opera

Rotas

Эти буквы составлены так, что при чтении в любом направлении (справа налево, слева направо, вверх или вниз) получаются одни и те же слова; и если написать их кровью пером, сделанным из орлиного крыла, они образуют амулет, силе которого, как говорят, не может противиться ни одна женщина; однако недоверчивый читатель легко может сам проверить справедливость этого утверждения.

Эти народные рассказы раздражают нас своей незавершенностью; нельзя не пожалеть о том, что романтическая история о поэте и дочери фермера не имела счастливого конца; однако ирландские истории вообще довольно бессвязны и больше похожи на припомнившиеся отрывки древних преданий, чем на законченную и логически связную драму, где сцена ярко освещена, а пьеса кончается потрясающей развязкой. Начало обычно бывает захватывающим – ведь мы всегда так много ожидаем от увлекательного «жили-были когда-то...» – и, конечно, здесь будет старая женщина, такая странная и похожая на ведьму; таинственный незнакомец, который, наверное, окажется в этой истории нераскайным злым духом; но в конце концов оба они окажутся по-детски беспомощными, и все их злые дела редко сводятся к чему-нибудь большему, чем украсть соседское масло или увести красивую девушку; на такие грехи прекрасно способны и самые обычные смертные без всякой помощи «богов земли» и их досточтимого вождя Финварры, короля фей. Однако следующая история о похищении человека волшебной силой фей продумана весьма хорошо. Герой рассказа вызывает наши симпатии и интерес, и сказка кончается счастливо, а это ирландцы весьма ценят, поскольку они не любят сказки, к которым не могут добавить в виде эпилога свое откровенное, от души «слава Богу».

Похищенная невеста

Году примерно в 1670-м жил в местечке под названием Кверин в графстве Клэр один молодой человек. Был он отважен, силен и богат: ведь у него была своя собственная земля и свой дом, и не было над ним лорда, которому бы все это принадлежало. Звали его Керном из Кверина. Много раз выходил он один пострелять ночью на пустынном берегу диких птиц, и иногда он переходил на север, на широкий восточный берег примерно в двух милях оттуда, чтобы найти там диких гусей.

Однажды в холодный, морозный вечер накануне 1 ноября он поджидал птиц, лежа в засаде за руинами старой хижины, когда его внимание привлек громкий плеск. «Вот и дикие гуси», – подумал он и, подняв ружье, ждал в мертвом молчании, когда подлетит его жертва.

Но вдруг он увидел, как по краю берега движется какая-то темная масса. И юноша понял, что тут нет никаких диких гусей. Так смотрел он и ждал, пока черная тень не подошла ближе; тут он ясно разглядел четырех крепких мужчин, они несли на плечах погребальные носилки, на которых лежало тело, покрытое белой тканью. На несколько секунд они опустили его на землю – видимо, чтобы отдохнуть, – и Керн немедленно выстрелил. Тут четверо мужчин с криками убежали, а тело осталось лежать на носилках. Керн из Кверина немедленно подошел к нему и, подняв ткань с лица умершего, увидел при морозном свете звезд черты лица прекрасной юной девушки; было очевидно, что она не умерла, а находилась в глубоком сне.

Он осторожно провел рукой по ее лицу и пробудил ее; она открыла глаза и потрясенно огляделась вокруг, но так ничего и не сказала, хотя он и пытался успокоить и ободрить ее. Затем он решил, что им опасно оставаться на этом месте; он поднял девушку с носилок и, взяв ее за руку, отвел к себе домой. Они прибыли туда благополучно, но все так же молча. И в течение двенадцати месяцев она оставалась с Керном, и никогда не прикасалась к еде, и не говорила ни слова все это время.

Когда пришел следующий канун 1 ноября, он решил снова прийти на восточный берег и посмотреть с того же самого места в надежде пережить какое-нибудь приключение, которое могло бы пролить свет на историю прекрасной девушки. Он как раз шел мимо древней разрушенной крепости, именовавшейся Лис-на-фалланге (Крепость плаща), и услышал звуки музыки и веселья. Он остановился, чтобы послушать, что говорят голоса, и недолго пришлось ему ждать, как он услышал, что какой-то мужчина шепотом говорит:

– Куда же мы пойдём теперь, чтобы украсть невесту?

И второй голос ответил:

– Куда бы мы ни пошли, я надеюсь, что повезет нам больше, чем в этот же день двенадцать месяцев назад.

– О да, – сказал третий, – в ту ночь мы получили богатую добычу – прекрасную дочь О'Коннора, но этот дурень, Керн из Кверина, разбил наши чары и забрал ее у нас. Однако мало радости получил он от своей невесты, ибо она не ела, и не пила, и не произнесла ни слова с тех пор, как вошла в его дом.

– И такой она и останется, – сказал четвертый, – если только он не заставит ее поесть со скатерти ее отца, которая покрывала ее, когда она лежала на носилках; а теперь она лежит на изголовье ее постели.

Услышав все это, Керн ринулся домой и даже не стал дожидаться утра; он вошел в комнату девушки, взял скатерть, расстелил ее, разложил на ней еду и питье и подвел ее к столу.

– Пей, – сказал он, – чтобы речь вернулась к тебе.

И она выпила и съела еду, и потом к ней вернулся дар речи. И она рассказала Керну свою историю: как она в своей стране собиралась выйти замуж за молодого лорда, и все гости собрались на свадьбу, и она внезапно почувствовала себя больной, потеряла сознание и уже

не помнила ничего, что случилось с нею до тех пор, как Керн провел рукой по ее лицу; при этом она пришла в себя, но не могла ни есть, ни говорить, поскольку на ней лежали злые чары и она ничего не могла с этим поделать.

Тогда Керн запряг карету и отвез юную девушку домой к отцу, который едва не умер от радости, когда увидел ее. И Керн вошел в большую милость у О'Коннора¹⁸, так что, наконец, он отдал ему свою прекрасную дочь в жены; и они поженились и жили долго и счастливо, и не случилось с ними ничего плохого, но за всеми делами их рук следовало добро.

История Керна из Кверина все еще живет в верной и живой памяти ирландцев, и ее часто рассказывают крестьяне в графстве Клэр, собравшись вокруг огня на страшный праздник Самайна, или канун 1 ноября, когда мертвые ходят по земле и духи земли и воздуха имеют власть над смертными – к добру или к худу.

¹⁸ О'Конноры – династия королей Коннахта, которая вела свое происхождение от жившего в X века короля Конхобара. Уже к началу XVI века О'Конноры пережили упадок и утратили титул королей – вряд ли описанная история могла произойти в конце XVII века.

Музыка фей

Злое воздействие взгляда феи не убивает, но погружает в похожий на смерть транс: в это время истинное тело уносят в какое-то волшебное жилище, а на его месте оставляют или бревно, или какое-то уродливое, страшное существо, которое облакает себя лишь тенью образа украденного человека. Юные женщины, замечательные своей красотой, молодые люди и красивые дети являются основными жертвами нападений фей. Девушек выдают замуж за князей волшебного царства, юношей женят на королевах фей; и если смертные дети ведут себя плохо, то их посылают обратно и вместо них похищают других. Иногда с помощью заклинаний могущественного знахаря возможно вернуть живое существо обратно из страны фей. Но люди становятся уже не теми, что были прежде. Они всегда выглядят одержимыми, особенно если им случалось слышать музыку фей. Ибо музыка фей нежна, тиха, печальна и обладает роковым очарованием для ушей смертных.

В один прекрасный день некий джентльмен вошел в хижину в графстве Клэр и увидел юную девушку лет двадцати; она сидела у огня и напевала печальную песню без каких-либо ясно различимых слов или мелодии. Расспросив домашних, он узнал, что однажды она слышала арфу фей, а те, кто слышат ее, теряют всякую память о любви или ненависти и забывают все на свете, и никогда больше в их ушах не звучит никаких других звуков, кроме нежной музыки волшебной арфы, а когда чары рушатся, они погибают.

Замечательно, что ирландские народные песни – жалобные, прекрасные и несказанно волнующие – так чудесно выражают дух Col-Sidhe (музыки фей); она господствует в фантазиях ирландцев и смешивается со всеми их преданиями о мире духов. Дикие и капризные, как сама природа фей, эти нежные созвучия с их мистическим скорбным ритмом, кажется, касаются самых глубоких душевных струн или наполняют смехом солнечный свет – в зависимости от того, что на душе у музыканта. Но прежде всего ирландская музыка – это выражение Божественной скорби: она не бурная, не страстная, это музыка изгнанного духа, тоскующего, томящегося, туманного и беспокойного; он всегда ищет недостижимого, он всегда в тени, исполненный воспоминаний о некоем утраченном благе или туманного предчувствия грядущей судьбы – чувства, которые, как кажется, находят свое верное выражение в сладком, печальном, тоскливом рыдании волнующего минора подлинной ирландской песни. В одной древней рукописи есть прекрасная фраза, которая описывает чудесное воздействие ирландской музыки на чувствительную душевную организацию: «Раненые успокаивались, слыша ее, и засыпали; и рожавшие женщины забывали о своей боли». Есть легенды о неувимом очаровании музыки и танца фей, когда смертный, попавший под их влияние, словно плывет по воздуху «обнаженными, бесплотными стопами духа»¹⁹, а неистовое ликование ритма погружает человека в полное беспмятство, а порою – и в смертный сон.

¹⁹ Это выражение встречается в творчестве английского поэта Эдгернона Чарльза Суинберна (1837—1909).

Танцы фей

Следующая история переведена с ирландского так, как она была рассказана уроженцем одного из западных островов, где первобытные суеверия все еще обладают всей свежестью юной жизни.

Однажды вечером в конце ноября (а именно в этом месяце духи имеют больше всего власти над всем сущим) самая прекрасная девушка на всем острове пошла к колодцу за водой, нога ее поскользнулась, и она упала. Несчастливое это было предзнаменование, и когда она встала и оглянулась, ей показалось, будто она попала в странное место, и все вокруг нее изменилось, как по волшебству. Но тут на некотором расстоянии она увидела огромную толпу, собравшуюся у пылающего костра, и ее медленно потянуло к ним, и, наконец, она оказалась в самой середине собравшихся, но все они молчали и пристально глядели на нее; и она испугалась и попыталась повернуться и оставить их, однако сделать этого она так и не смогла. Затем прекрасный юноша, вылитый принц – в алом кушаке и с золотой лентой на длинных белокурых волосах, – подошел к девушке и пригласил ее на танец.

– Как неумно с вашей стороны, сударь, приглашать меня на танец, – ответила она, – когда нет никакой музыки.

Тогда он поднял руку и сделал людям знак, и немедленно сладчайшая музыка зазвучала рядом и вокруг нее, и юноша взял ее за руку, и они танцевали и танцевали – пока не зашли луна и звезды, но она все как будто плыла по воздуху и забыла обо всем на свете, кроме танца, и сладкой тихой музыки, и своего прекрасного спутника.

Наконец танец прекратился, и партнер поблагодарил ее и пригласил поужинать вместе со всей компанией. Тут она увидела в земле отверстие и в нем – ступеньки; молодой человек, который казался королем всех этих людей, отвел ее вниз, за ним следовали все собравшиеся. В конце лестницы оказался большой зал, светлый и прекрасный – серебро, золото, свет, – и стол был накрыт со всевозможными яствами, и им наливали для питья вино из золотых чаш. Когда девушка села, все стали настойчиво уговаривать ее попробовать еду и выпить вина; и поскольку она устала после танцев, то взяла чашу, которую принц протянул ей, и уже поднесла ее к губам, чтобы выпить. И тут мимо нее прошел человек и прошептал:

– Не ешь еды, не пей вина, или ты никогда уже не попадешь домой.

Так что она отставила чашу и отказалась пить. Тут все разозлились, поднялся страшный шум; некий злой, темный человек встал и сказал:

– Тот, кто к нам приходит, должен с нами пить.

И он схватил ее за руку и поднес вино к ее губам, так что она чуть не умерла со страху. Но в этот момент вошел рыжий незнакомец, взял ее за руку и вывел наружу.

– На сей раз ты в безопасности, – сказал он. – Возьми эту траву и держи ее в руках, пока не дойдешь до дому, и никто не сможет повредить тебе. – И он вручил ей ветвь растения, которое именуется *ахарь-лусс*²⁰ (земляной плющ²¹).

Она взяла траву и побежала по полю темной ночью; но все время она слышала за спиной шаги, преследовавшие ее. Наконец она дошла до дому, и заперла дверь, и отправилась в постель; тут снаружи поднялся страшный шум, и слышны были голоса, что громко звали ее:

²⁰ Может показаться, что буквально *athair-luss* по-ирландски значит «отец-трава» (*athair* – «отец», *luss* – «трава»), но на самом деле в названиях растений *athair* бывает сокращенной формой от *nathair* – «змея»; в одном средневековом глоссарии название *athair-luss* переводится на латинский как *serpentina* – «змеиная трава».

²¹ В Древнем Египте плющ был посвящен Осирису, считалось, что он защищает от зла. (Примеч. авт.)

– Власть, которую мы имели над тобой, кончилась из-за силы этой травы, но постой – когда ты снова затанцуешь под музыку на холме, ты останешься с нами навеки, и никто этому не помешает.

Но девушка тщательно берегла волшебную ветвь, и феи никогда больше не беспокоили ее; но много, много времени еще прошло, пока звук музыки фей не перестал звучать у нее в ушах, музыки, под которую она танцевала в ту ноябрьскую ночь на склоне холма со своим волшебным возлюбленным.

Суд фей. Легенда Шарк-Айленда²²

Хотя рыжий человек в обычной жизни, как считается, приносит несчастье, тем не менее в мире фей он обычно действует в качестве благодетельного *deus ex machina*, который спасает, помогает и выручает несчастного смертного, который сам оказывается совершенно беспомощным перед чарами фей.

Жил на Акульем острове один человек, который имел обыкновение переправляться на остров Боффин²³, чтобы купить табачку, но когда погода была слишком плохая для того, чтобы спустить лодку на воду, настроение у него становилось такое же плохое, как погода, и он начал поколачивать свою жену и расшвыривать кругом вещи, так что никто не мог встать с ним лицом к лицу. И в один прекрасный день пришел к нему человек.

– Что ты мне дашь, если я поеду на Боффин, – говорит он, – и привезу тебе табаку?

– Ничего я тебе не дам, – сказал тот. – Куда бы ты ни поплыл, тем же путем могу проплыть и я.

– Тогда пойдем со мной на берег, – сказал незнакомец, – и я покажу тебе, как переправиться, но поскольку поехать можно лишь одному, то ты должен пойти один.

И тогда они пошли на берег моря и увидели там большую компанию всадников и дам, скакавших кругом; звучала музыка, слышен был смех.

– Садись же на коня, и ты переправишься, – сказал человек.

Тот вскочил на коня, как ему сказали, и в мгновение ока они все перепрыгнули прямо через море и приземлились на Боффине. Тут он побежал покупать табак и через минуту вернулся; он нашел всю ту же компанию у берега. Наш герой вскочил на коня, и все они прыгнули прямо в море, но внезапно остановились на полдороге между двумя островами, где была большая скала, а за ней они уже не смогли заставить лошадей сдвинуться с места. Все они были страшно обеспокоены и стали думать, что делать.

– Среди нас смертный! – сказали они. – Давайте утопим его!

И они подняли его на вершину скалы и бросили вниз, и когда он снова всплыл на поверхность, они схватили его за волосы и вскричали:

– Топить его! Топить его! У нас есть власть над жизнью и смертью – должно его утопить.

И они уже собирались бросить его вниз во второй раз, когда рыжий человек вступился за него и силой унес его целым и невредимым на берег.

– Теперь, – сказал рыжий, – ты в безопасности, но имей в виду, духи смотрят за тобой, и если ты когда-нибудь снова побьешь свою бедную добрую жену и начнешь пинать вещи в доме, просто чтобы смертельно ее огорчить, то, как пить дать, умрешь на этой самой скале. – Тут он исчез.

И с того времени мужчина стал тихим, как мышь, потому что боялся; и каждый раз, когда он проплывал мимо той скалы в своей лодке, то всегда останавливался на мгновение, и читал небольшую молитву за свою жену, и говорил «Благослови ее, Боже». И это отвратило зло; и оба они жили вместе счастливо и дожили до преклонных лет.

Сказка, конечно, довольно примитивная. Но мораль в ней вполне хороша, а угроза возмездием показывает, что феи проявляют похвальное негодование против тирании мужчин над слабым полом!

²² Шарк-Айленд, далее также Иниш-Сарк (*ирл.* Inis-Airc). На этом острове почитался святой Лео: на острове в XIX веке сохранились руины храма и хижины святого Лео, была и пещера, где, как считалось, он предавался отшельничеству. Сейчас остров необитаем.

²³ Инишбоффин (*ирл.* Inis Bu Finne – «Остров Белой коровы») – остров у побережья графства Голуэй рядом с островом Иниш-Сарк.

Душа священника

Не так уж часто в ирландских легендах можно встретить этическую цель, однако следующее предание замечательно и глубоко соединяет в себе внутренний смысл с занимательным сюжетом. Идея, которая лежит в основе этой истории, – изысканна и трагична: Кальдерон или Гёте могли бы сделать из нее драму, а гений Браунинга нашел бы себе достойный предмет в этом контрасте гордости и отважного, самонадеянного скептицизма в час триумфа и морального торжества, который предшествует наказанию и гибели.

В старые дни в Ирландии были большие школы, где людям преподавали всевозможные науки, и даже у самых бедных людей знаний было больше, чем у многих благородных господ в наши дни. Но самыми учеными были священнослужители, и поэтому Ирландия славилась по всему миру, и многие короли из чужих земель посылали своих сыновей далеко в Ирландию, чтобы они воспитывались в ирландских школах.

Итак, жил-был в то время маленький мальчик, который учился в одной такой школе, и все дивились его уму. Его родители были всего лишь простыми людьми и, конечно, очень бедны, но каким бы он ни был юным и каким бы он ни был бедным – ни один сын короля или лорда не мог сравниться с ним в учености. Он мог посрамить даже своих учителей, ибо когда они пытались учить его, он рассказывал им что-нибудь, о чем они никогда не слышали, и показывал им их невежество. Одной из самых сильных его сторон был спор: и он мог бы спорить с вами, пока не докажет, что черное – это белое, и затем вам пришлось бы сдаться, поскольку в споре никто не мог его побить, – он мог все перевернуть и доказать, что белое – это черное, а то и что в мире вообще не существует цветов. Когда он вырос, его бедные отец и мать так гордились им, что решили, что он должен стать священником; наконец, они этого добились, хотя при этом чуть не умерли от голода, стараясь достать денег. И не было другого подобного ему ученого мужа в Ирландии, и он был столь же велик в споре, как и раньше, так что никто не мог противостоять ему. Даже епископы пытались говорить с ним, но и им он немедленно показывал, что и они ничего не знают.

А в те времена не было учителей, и народ учили священники; и поскольку тот человек был самым умным во всей Ирландии, то все чужеземные короли посылали своих сыновей к нему – насколько в его доме было места, чтобы принять их. Так что он стал очень гордым и начал забывать, из каких низов он вышел, и хуже всего – забывать и о Боге, который сделал его тем, кем он стал. И охватила его гордость из-за его умения спорить, так что, переходя от одного к другому, он стал, наконец, доказывать, что нет никакого чистилища, а потом и что нет ада, и рая нет, и потом что нет и Бога, и наконец – что у людей нет души, и люди ничем не лучше, чем собаки или коровы, и когда они умирают, с этим все заканчивается. «Кто же и когда видел душу? – говаривал он. – Если вы мне покажете душу, я поверю». Никто не мог ничего ответить на это; и, наконец, все стали верить, что раз никакого иного мира нет, то в этом мире каждый может делать все что заблагорассудится, раз уж сам священник подал такой пример и взял в жены прекрасную молодую девушку. Но поскольку во всей стране не было ни одного священника или епископа, который согласился бы обвенчать его, ему пришлось самому провести всю венчальную службу. Скандал был ужасный, но никто не посмел сказать ни слова, поскольку на его стороне были все эти сыновья королей и они готовы были убить любого, кто попытался бы предотвратить его греховный поступок. Ах, бедные мальчики! Все они ему верили и думали, что каждое его слово – правда. Вот так его идеи и начали распространяться, и весь мир готов был испортиться – когда однажды ночью с небес спустился ангел и сказал священнику, что жить ему осталось только двадцать четыре часа. Он весь задрожал и попросил еще немного времени.

Однако ангел был непреклонен и сказал ему, что так не получится.

– Зачем тебе еще время, грешник? – спросил он.

– О, сударь, пожалейте бедную мою душу! – молил священник.

– Неужели? Значит, у тебя все-таки есть душа? – сказал ангел. – Скажи-ка мне, как же ты это узнал?

– Она затрепетала во мне в тот момент, когда ты явился, – ответил священник. – Каким глупцом я был, что не подумал об этом раньше!

– Ты и вправду глупец, – сказал ангел. – К чему вся твоя ученость, если она не смогла сказать тебе, что у тебя есть душа?

– О, господин мой, – сказал священник, – если я должен умереть, то скажи мне, как скоро я окажусь на Небесах?

– Никогда, – ответил ангел. – Ты же говорил, что никакого рая нет.

– Тогда, господин мой, могу ли я отправиться в чистилище?

– Ты же говорил, что и чистилища нет, так что ты должен отправляться прямо в ад, – сказал ангел.

– Но, господин мой, я же отрицал и ад, – ответил священник, – так что ты туда тоже не можешь меня послать!

Ангел был слегка озадачен.

– Ну ладно, – сказал он, – скажу тебе, чем я могу тебе помочь. Ты можешь или жить сейчас на земле в течение ста лет, пользоваться всеми удовольствиями, а потом попадешь в ад навечно, или же ты умрешь в течение суток в самых страшных мучениях и пройдешь через чистилище, останешься там до Страшного суда – если ты только сможешь найти одного человека, который верит, и через его веру ты сможешь приобрести для себя милосердие Божье, и душа твоя будет спасена.

Священнику не понадобилось и пяти минут, чтобы решиться.

– Я лучше умру через двадцать четыре часа, – сказал он, – чтобы все-таки спасти свою душу.

На это ангел дал ему указания, что он должен делать, и оставил его.

Затем священник немедленно вошел в большую комнату, где сидели все собравшиеся вокруг него ученые и сыновья королей, и обратился к ним:

– Теперь скажите мне правду, и пусть никто не боится противоречить мне. Скажите мне, во что вы верите. Есть ли у людей души?

– Учитель, – отвечали они, – некогда мы верили, что у людей есть душа, но благодаря твоему учению мы уже не верим в это. Нет ада, нет рая и нет Бога. Вот во что мы верим, ибо этому ты научил нас.

Тогда священник побледнел от страха и воскликнул:

– Послушайте! Я учил вас лжи. Бог есть, и душа человеческая бессмертна. Теперь я верю всему, что отрицал раньше.

Однако голос священника потонул во взрывах хохота, ибо они думали, что он всего лишь испытывает их, чтобы снова поспорить.

– Докажи это, учитель, – кричали они, – докажи! Кто когда-либо видел Бога? Кто когда-нибудь видел душу?

И стены комнаты задрожали от их смеха.

Священник поднялся, чтобы ответить им, но не мог сказать ни слова: все его красноречие, все его умение спорить исчезли, и он ничего не мог сделать, кроме как заламывать руки и восклицать:

– Бог есть! Бог есть! Господи, помилуй мою душу!

И все они начали насмехаться над ним и повторять его собственные слова, которым он научил их:

– Покажи его нам, покажи нам твоего Бога!

И он бежал от них, стая от отчаяния, ибо он увидел, что ни один из них не верит, и как же теперь он мог спасти свою душу?

Но затем он подумал о своей жене.

– Она, должно быть, верит, – сказал он себе. – Женщины никогда не отказываются от Бога.

И он пошел к ней, но она сказала ему, что верит только тому, чему он научил ее, и что хорошая жена должна прежде всего верить своему мужу – прежде всех других вещей на небе или на земле.

Тогда он впал в отчаяние и бросился вон из дома, и начал спрашивать всех, кого встречал на дороге, верят ли они. Но все давали один и тот же ответ: «Мы верим только тому, чему ты научил нас», ибо учение его распространилось далеко по всему графству.

Тут он наполовину обезумел от страха, ибо часы проходили; и он бросился на землю в пустынном месте, и рыдал, и стонал от страха, ибо приближалось время, когда он должен был умереть.

И тогда к нему подошел маленький ребенок.

– Спаси тебя Бог, – сказал ему ребенок.

Священник вскочил.

– Дитя, ты веришь в Бога? – спросил он.

– Я пришел из далекой страны, чтобы узнать о Нем, – сказал мальчик. – Может быть, ваша честь соблаговолит проводить меня в лучшую школу, что есть в этой земле?

– Лучшая школа и лучший учитель близко, – сказал священник и назвал свое имя.

– О нет, только не он, – ответил ребенок, – мне ведь сказали, что он отрицает и Бога, и рай, и ад, и даже то, что у человека есть душа, поскольку мы не можем ее увидеть; но я скоро переспорю его.

Священник пристально посмотрел на него.

– Как? – спросил он.

– Что ж, – сказал мальчик, – я бы спросил его, верит ли он, что у него есть жизнь, чтобы показать мне эту жизнь.

– Но он не сможет это сделать, дитя мое, – сказал священник. – Жизнь увидеть нельзя: она есть у нас, но она невидима.

– Так если у нас есть жизнь, хотя мы не можем ее увидеть, то у нас также может быть и душа, хотя она и невидима, – ответил ребенок.

Когда священник услышал, как он произнес эти слова, он пал перед ним на колени, плача от радости, потому что теперь он знал, что душа его в безопасности ибо, наконец, он встретил того, кто верил. И он рассказал мальчику всю свою историю, обо всей своей греховности, о своей гордости, и о своем кощунстве против великого Господа, и как к нему пришел ангел и сказал ему, что есть только один способ для него спастись – верой и молитвой кого-нибудь, кто верит.

– Теперь, – сказал он ребенку, – возьми этот перочинный нож и вонзи его мне в грудь, и продолжай поражать плоть, пока не увидишь бледность смерти на моем лице. И потом смотри – ибо живая сущность выйдет из моего тела, когда я умру, и ты тогда поймешь, что душа моя поднялась и предстала перед Богом. И когда ты увидишь эту сущность, беги скорее в мою школу и позови всех моих учеников, чтобы они пришли и посмотрели на душу своего учителя, покидающую это тело, и чтобы увидели, что все, чему он учил их – ложь, ибо существует Бог, карающий грех, и небо, и ад, и правда то, что у человека есть бессмертная душа, которой суждено вечное счастье или вечное горе.

– Я помолюсь, – сказал ребенок, – о смелости, чтобы сделать такую работу.

И он преклонил колени и стал молиться. Затем он встал и взял перочинный нож, и вонзил его в сердце священника, и ударял, и ударял снова, пока вся его плоть не была изрезана, но

священник все еще продолжал жить, хотя его муки были страшны, ибо он не мог умереть, пока не закончится двадцать четвертый час. Наконец, страдания, казалось, прекратились и покой смерти воцарился на его лице. Тогда ребенок, который смотрел на это, увидел прекрасное живое существо с четырьмя снежно-белыми крыльями, которое поднялось из тела умершего в воздух и, порхая, облетело его голову.

И он побежал, чтобы привести учеников; и когда они увидели это существо, они поняли, что это – душа их учителя, и они с удивлением и страхом смотрели на то, как она исчезла из вида в облаках.

И это была первая бабочка, которую когда-либо видели в Ирландии; и теперь все люди знают, что бабочки – это души умерших, которые ждут минуты, когда они смогут войти в чистилище, и там через муки прийти к очищению и миру.

Но после этого школы Ирландии опустели, ибо люди стали говорить: к чему ехать так далеко, чтобы учиться, если уж самый мудрый человек в Ирландии не знал, что у него есть душа, до тех пор, пока едва не лишился ее, и спасся он только простой верой малого ребенка?

Упоминание о древних ирландских школах в этом мудром предании основано на историческом факте. С VII по X век Ирландия была центром учености. Великий английский король Альфред учился в одной из прославленных ирландских семинарий вместе с другими юношами королевского и благородного происхождения и здесь завязал на всю жизнь дружбу с ученым Адамнаном, который затем часто был желанным гостем при дворе короля Альфреда²⁴. Другие выдающиеся ирландцы известны в истории как учителя и просветители Европы. Ирландский монах Алкуин стал другом и секретарем Карла Великого и в Экс-ля-Шапель основал первую школу грамматики на имперских землях. И прославленные Клемент и Альбин, два ирландца, одаренные выдающимися способностями и ученостью, помогали императору не только обучать народ, но и основать школу для знатных людей внутри его собственного дворца.

²⁴ Леди Уайльд ошибается: святой Адамнан (624—704) был другом не знаменитого короля Альфреда (849—901), а короля Нортумбрии Альдфрита (царствовал ок. 685—705). Альдфрит, сын короля Освиу и ирландской принцессы Финны, действительно учился в Ирландии и даже писал стихи по-ирландски.

Народ фей

Считается, что сиды (Sidhe), или племя духов, именуемое также Feadh-Ree²⁵, или феи, некогда были на небе ангелами, которых сбросили вниз по Божественному повелению за их неумеренную гордость.

Некоторые пали на землю и стали жить здесь задолго до того, как был сотворен человек, как первые боги земли. Другие пали в море и там под водой построили себе прекрасные волшебные дворцы из хрусталя и жемчуга, а в лунные ночи они зачастую выходили на землю верхом на белых конях и устраивали праздники вместе со своими родственниками – феями земли, которые жили в расщелинах холмов, – и танцевали вместе на лугах под древними деревьями, и пили нектар из чашечек цветов – это вино фей.

Однако другие феи – демоны, и они преданы злу и недобрым делам, ибо когда они были сброшены с неба, они упали в ад, и здесь дьявол держит их под своей властью, и посылает их, как хочет, делать злые дела и искушать души людей, затягивая их в ад ложным блеском греха и удовольствия. Эти духи обитают под землей и делятся своим знанием только с некоторыми злыми людьми, избранными дьяволом, который дает им силу произносить заклинания, и варить любовные напитки, и наводить злые чары, и с помощью своего знания они могут принимать различный облик и использовать определенные волшебные травы.

Женщин-ведьм обучали именно они, и таким образом они стали орудиями нечистого, и их боялась вся округа, ибо у них была вся власть фей и все зло от дьявола, который открывал им секреты времени и дней, и тайны трав, и тайны злых чар; и силой волшебства они могли делать все, что хотели – будь то к добру или к худу.

Феи земли малы и прекрасны. Они страстно любят музыку и танцы и роскошно живут в своих дворцах под холмами и в глубоких горных пещерах; и они могут получить все красивые вещи для своих волшебных домов – просто силой своей магической власти. Они также могут принимать любой облик и никогда не вкусят смерти, покуда не придет день Страшного суда; тогда им суждено исчезнуть – быть уничтоженными навеки. Но они очень ревниво относятся к человеческому роду – ведь люди такие высокие и сильные! – и к тому же им обещано бессмертие. И их зачастую искушает красота смертной женщины, и их охватывает страстное желание взять ее в жены.

У детей от таких браков бывает странная, мистическая натура, и, как правило, они становятся знаменитыми музыкантами и певцами. Но они страстны, мстительны, и жить с ними нелегко. Все знают, что это – сиды, или племя духов, по их прекрасным глазам и отважному, бесстрашному характеру.

Король и князья фей одеваются в зеленое; на их голове – красные шапочки, перевитые золотой нитью. Королева фей и знатные дамы ее двора одеты в сверкающий серебристый газ, усыпанный бриллиантами, и их длинные золотистые волосы касаются земли, когда они танцуют на лугу.

Они особенно любят останавливаться и отдыхать под боярышником, и крестьянин скорее умрет, чем срубит один из древних боярышников, посвященных феям, которые чаще всего стоят в центре магического кольца. Однако люди никогда не почитают этих волшебных созданий, ибо они считают сидов племенем, которое стоит намного ниже человека. В то же самое время они страшно боятся и страшатся таинственной власти фей и никогда не лезут в их дела и никогда сознательно не мешают им.

²⁵ Выше уже говорилось, что слово *faíry* («фея») не связано с обозначениями фей в ирландском языке. *Feadh-Ree* как обозначение потусторонних существ в ирландском языке не зафиксировано. В популярных публикациях конца XVIII – начала XIX века можно встретить перевод с ирландского словосочетания *feadh-ree* как «лесные божества». Если первый элемент действительно значит «лес», то второй в значении «божество» в ирландском языке не встречается.

Сиды зачастую пытаются унести красивых детей, которых затем растят в прекрасных волшебных дворцах под землей, а когда они вырастают, женят их на других феях.

Люди боятся одной мысли о том, что вместо их собственного милого ребенка в колыбели может появиться подмесь феи; и если там оказывается сморщенное маленькое существо, его иногда выносят ночью и оставляют на ночь в открытой могиле до утра, когда, как они надеются, там снова окажется их собственный ребенок, хотя чаще там не находят ничего, кроме холодного трупа несчастного изгоя.

Иногда рассказывают, что феи уносят ребенка смертных, чтобы принести его в жертву – им приходится приносить такую жертву дьяволу каждые семь лет в обмен на власть, которую он дает им. Уносят и прекрасных юных девушек – или для жертвоприношения, или чтобы выдать их замуж за короля фей.

В своих привычках феи чисты и аккуратны, и больше всего они любят, чтобы на ночь им поставили ведро с водой – в случае, если им захочется помыться.

Им также очень нравится хорошее вино, и они всегда стараются наградить подарившего своим благословением, поскольку они поистине прямы и честны. В древности великие лорды Ирландии имели обыкновение оставлять для фей на ночь бочонок самого лучшего испанского вина снаружи на подоконнике, и утром оно полностью исчезало.

Огонь является великим средством против магии фей, ибо огонь – самое святое из всего сотворенного, и один лишь человек имеет власть над ним. Ни одно животное еще не додумалось до того, как вызвать дух огня из камня или дерева, где он поселился. Если сделать огненное кольцо вокруг скота или колыбельки ребенка или положить огонь под маслобойку, то у фей не будет сил причинять вред. И дух огня непременно уничтожает всю магию фей, если только она существует.

Испытание огнем

Испытание огнем – великая проверка, которую устраивают крестьяне, чтобы узнать, подвергся ли ребенок или любой другой человек влиянию фей. Жил в графстве Мэйо один человек, который был прикован к постели месяцами и месяцами, и хотя он съедал всю еду, которую ему приносили, он никак не становился сильнее; и в воскресенье, когда люди шли на мессу, они запирали его и оставляли одного дома с множеством еды. А рядом находилось прекрасное поле, и однажды в воскресенье, придя домой с мессы раньше, чем обычно, люди увидели, как какая-то большая компания играет в этом поле в кегли, и среди них – тот самый больной, но в ту же минуту он исчез; и когда семья добралась до дому, больной лежал на постели и крепко спал.

– Вставай, – сказали ему, – мы же видели, как ты играл в кегли с феями, и ты не будешь больше есть и пить за наш счет.

Однако он отказался и заявил, что слишком болен, чтобы двигаться. Тогда они сложили большой костер из торфа и сказали:

– Вставай, или мы положим тебя на костер и разобьем чары фей.

И люди схватили его, чтобы сжечь. Тогда он испугался и встал, и вышел в дверь, и они смотрели за ним, пока он не остановился на поле, где играли в кегли, и лег там на траву; однако, когда к нему подошли, он уже умер.

Один человек утром шел работать и увидел двух женщин, которые заходили в дом, и одна из них сказала:

– В этом доме есть прекрасный мальчик, зайди и передай его мне, и мы оставим на его месте мертвого ребенка.

И другая вошла, и подошла к окну, как ей сказали, и передала из дома спящего ребенка, и взяла умершего, и положила его на кровать в доме. Человек понял, что все это дело рук фей, и он зашел, и сделал крестное знамение над спящим ребенком; тут две женщины закричали, как будто их ударили, и убежали, уронив ребенка на траву. Тогда мужчина ласково поднял его, спрятав под свой плащ и пошел к своей жене.

– Вот, – сказал он, – позаботься об этом ребенке, пока я не вернусь, и сожги торф у колыбели, чтобы отогнать фей.

Когда он снова прошел мимо дома, где видел двух женщин, он услышал громкий плач и причитания; и он вошел и спросил, что тут такое случилось.

– Смотри, – сказала мать, – мой ребенок в колыбели умер. Он умер ночью, и никого рядом не было. – И она горько заплакала.

– Утешься, – сказал мужчина, – это подменыш фей, а твой ребенок в безопасности! – И он рассказал ей всю историю. – Теперь, – сказал он, – если ты мне не веришь, просто положи этого ребенка на огонь, и мы посмотрим, что будет.

Так что она разложила большой огонь, и взяла умершего ребенка в руки, и положила его на горячий торф со словами:

– Гори, гори, гори – если от дьявола, то гори, но если от Бога и святых, да не коснется тебя никакое зло.

И как только ребенок почувал огонь, он выскочил в печную трубу с воплем и исчез.

Леди ведьма

Около ста лет тому назад жила в графстве Джойс²⁶ женщина, которую боялись все соседи, потому что у нее всегда было много денег, хотя никто не знал, как она их доставала; самая лучшая еда и питье появлялись в ее доме и главным образом ночью – мясо, и птица, и испанские вина в изобилии для всех посетителей. И когда люди спрашивали, откуда это все взялось, она смеялась и говорила:

– Я заплатила за это, – и больше ничего не рассказывала.

Поэтому в округе ходили слухи, что она продалась дьяволу, и могла иметь все, что захочет и пожелает, и из-за ее богатства прозвали ее Леди Ведьма.

Она никогда не выходила на улицу, кроме как ночью, и тогда в ее руке всегда были уздечка и хлыст; и стук копыт коня, скачущего во весь опор, разносился ночью далеко по дороге близ ее дома.

В то время ходили странные слухи о том, что, если молодой человек выпьет ее испанских вин за ужином и потом уснет, она накинет на него уздечку и превратит в коня, и скачет на нем по всей стране, и все, чего бы она ни коснулась своим хлыстом, становится ее собственностью. Птица, или масло, или вино, или свежее испеченные оладьи – ей достаточно было только захотеть и пожелать, как призрачные руки уносили все это в ее дом и укладывали в ее кладовую. Потом, когда поездка заканчивалась и она набирала по всей стране достаточно всего, чего хотела, она снимала с молодого человека уздечку, и он снова обретал собственный облик и засыпал, а когда просыпался, то не имел никакого представления обо всем, что случилось, и Леди Ведьма приглашала его приходить еще и выпить ее испанских вин так часто, как ему захочется.

В то время по соседству жил красивый молодой человек, и он решил проверить, правду ли говорят. Поэтому он стал часто к ней заходить, и подружился с Леди Ведьмой, и присаживался поговорить с ней, но всегда был начеку. И он ей очень понравился, и она сказала ему, что он должен прийти на ужин, а она подаст ему все самое лучшее, и он должен будет попробовать ее испанское вино.

Тогда она назначила вечер, и он охотно пришел, потому что был полон любопытства. И когда он явился, был накрыт прекрасный ужин и было много вина; и он ел и пил, но был осторожен с вином и выливал его на землю из своего бокала, когда она отворачивалась. Потом он притворился, что очень хочет спать, и она сказала:

– Сынок, ты утомился. Ложись здесь на лавку и поспи, потому что уже поздняя ночь и ты далеко от дома.

Так он лег, как будто смертельно хотел спать, и закрыл глаза, но все время наблюдал за ней.

И она подошла и внимательно посмотрела на него, но он так и не пошевелился, только дышал глубже.

Тогда она бесшумно отошла, сняла со стены уздечку и попыталась потихоньку набросить ее ему на голову; но он вскочил и, выхватив уздечку, накинул ее на женщину, которая тут же превратилась в быстроногую серую кобылу. И он вывел ее, вскочил ей на спину и понесся быстрее ветра, пока не приехал к кузнице.

– Эй, кузнец, – крикнул он, – поднимайся да подкуй мою кобылу, а то она устала после поездки!

²⁶ Графство Джойс – неформальное название области в графстве Голуэй, где располагались владения семейства Джойс (барония Росс).

И кузнец встал и сделал свою работу, как его просили, основательно и надежно. Тогда юноша снова вскочил на лошадь и понесся как ветер назад к дому ведьмы; и там он снял уздечку, и она тут же вернулась в свое обличье и погрузилась в глубокий сон.

Но так как подковы поставили в кузнице без произнесения надлежащих слов, они остались на ее руках и ногах, и никакая сила на земле не могла снять их. Так она никогда и не поднялась со своей постели и вскоре умерла от горя и стыда. И никто из всей округи не захотел проводить гроб Леди Ведьмы до могилы; и ее уздечка была сожжена, а от ее богатств ничего не осталось, кроме горсти пепла, и его развеяли на четыре стороны и четыре ветра небесных; так колдовство было уничтожено, и власть дьявола кончилась.

Этне-невеста

Фей, как мы знаем, очень привлекает красота смертных женщин, и король Финварра использует множество своих духов, чтобы находить и похищать (когда это возможно) самых прекрасных девушек и невест в Ирландии. Духи уносят их своими чарами в его волшебный дворец на Нокма в Туаме²⁷, где они и остаются под заклятием фей, забыв все о своей земной жизни, убаюканные в бездеятельных удовольствиях, будто в сладком сне нежными тихими звуками волшебной музыки, которая обладает силой погружать слушателя в бессознательный экстаз.

Жил некогда в этой части страны один знатный лорд, и у него была прекрасная жена по имени Этне, самая прекрасная во всей Ирландии. И ее муж так гордился ею, что день за днем устраивал праздники в ее честь; и с утра до ночи его замок был заполнен лордами и леди, и они не думали ни о чем, кроме музыки, танцев, и пиров, и охоты, и удовольствий.

Однажды вечером, когда праздник был в самом разгаре и Этне летела в танце в своем платье из серебряного газа с застежками из драгоценных камней ярче и прекраснее небесных звезд, ее рука внезапно выпала из руки танцора и она без чувств упала на пол.

Этне отнесли в ее спальню, где она долго пролежала без сознания; но к утру она очнулась и объявила, что провела ночь в прекрасном дворце и была там так счастлива, что хочет заснуть опять и во сне отправиться туда. И весь день люди следили за ней, но когда темная вечерняя тень пала на замок, за ее окном послышалась тихая музыка и Этне снова впала в глубокий обморок, из которого ничто уже не могло пробудить ее.

Рядом с ней посадили старую няньку, чтобы та смотрела за нею; но, сидя в молчании, женщина устала и заснула, и так и не проснулась до восхода солнца; и когда она посмотрела на постель, то, к ужасу своему, увидела, что юная Этне исчезла. Весь дом немедленно был поднят на ноги, искали везде, но никаких следов ее не нашли ни в замке, ни в садах, ни в парке. Муж ее разослал вестников повсюду, но безуспешно – никто не видел ее, никаких следов ее не было, ни живой, ни мертвой.

Тогда юный лорд вскочил на самого быстрого своего коня и поскакал прямо к Нокма, чтобы расспросить Финварру, короля фей, может ли он сказать ему что-нибудь о его жене или посоветовать ему, в какой стороне ее искать, ибо они с Финваррой были друзьями, и много хороших бочонков испанского вина оставляли по приказу лорда за окном замка по ночам для фей, чтобы те уносили его. Но он и вообразить не мог, что сам Финварра оказался предателем, и поэтому он скакал как безумный, пока не добрался до Нокма – холма фей.

И он остановился у волшебного холма, чтобы отдохнул его конь, и услышал он над собой в воздухе голоса; один сказал:

– Счастлив теперь Финварра, ибо он наконец заполучил прекрасную невесту в свой дворец; и никогда более не увидит она лица своего мужа.

– Да, – ответил другой, – если он прокопает ход через весь холм к центру земли, то найдет свою жену; но эта работа нелегка, и способ труден, и силы у Финварры больше, чем у любого смертного человека.

– Это мы еще посмотрим! – воскликнул молодой лорд. – Ни феи, ни дьявол, ни сам Финварра не смогут встать между мною и моей прекрасной молодой женой!

²⁷ Нокма (по-ирландски – Снос или *Sídh Meadha Siúil*) в графстве Голуэй близ Туама также именовался *Carn Cesra* – «курган Кессайр» и считался местом погребения первой обитательницы Ирландии, Кессайр. Король Сид Меда Финдбарр («Белый Шлем / Голова») упоминается в некоторых поздних сагах, таких как «Воспитание в домах двух чаш», но, конечно, он не был королем всех сидов Ирландии, наравне с ним упоминаются и другие – Бодб, Мидир, Тадг. Вообще все упоминания о Сид Меда и его короле очень поздние, не ранее XV века.

И в ту же минуту он через своих слуг послал приказ собрать всех батраков и крестьян той земли со своими лопатами и мотыгами, чтобы прокопать ход через холм, пока они не найдут дворец фей.

И рабочие пришли огромной толпой и раскапывали холм весь день, пока не проделали огромную глубокую яму до самой его середины. Затем на закате на ночь они ушли; однако на следующее утро, когда все собрались снова, чтобы продолжать работу, вся земля снова оказалась во рву, и холм выглядел так, словно никогда лопата не касалась его, ибо так приказал Финварра, а он имел власть над землей, и воздухом, и морем.

Однако у юного лорда было храброе сердце, и он заставил своих людей продолжать работу, и яма снова была выкопана, широкая и глубокая, в самое сердце холма. И так продолжалось три дня, но всегда с одними и теми же результатами, ибо землю клали обратно каждую ночь, и холм выглядел таким же, как раньше, и они никак не приблизились к дворцу фей.

Тогда молодой лорд уже готов был умереть от ярости и горя, но внезапно он услышал над собой в воздухе как бы шепчущий голос, и он сказал такие слова:

– Посыпь землю, которую вы выкопали, солью, и твоя работа будет в безопасности.

При этом новая жизнь влилась в сердце лорда, и он послал по всей стране приказ собрать у людей соль; и в ту ночь, когда люди оставили свою работу у холма, землю посыпали солью.

На следующее утро они все встали рано утром в великой тревоге, чтобы посмотреть, что случилось, и, к их великой радости, яма была нетронута, и осталась такой, как они ее оставили, и земля вокруг нее была нетронута.

Тогда юный лорд понял, что у него все-таки есть власть над Финваррой, и он просил своих людей продолжать работать с бодростью и надеждой, ибо скоро они уже должны были добраться до дворца фей там, в центре холма; и если они прикладывали ухо к земле, уже можно было услышать музыку фей, и вокруг них в воздухе слышались голоса.

– Смотри же, – сказал один, – печален Финварра, ибо если один из этих смертных людей нанесет удар по дворцу фей своей лопатой, то он рассыплется в прах и распадется, как туман.

– Тогда пусть Финварра отдаст невесту, – сказал другой, – и мы все будем в безопасности.

Тут послышался голос самого Финварры, ясный, как серебряный колокольчик, по всему холму.

– Прекратите вашу работу, – сказал он, – о, люди земли, отложите свои лопаты, и на закате женщину вернут обратно супругу. Я, Финварра, сказал это.

Тогда юный лорд попросил своих людей прекратить работу и отложить лопаты до тех пор, пока не взойдет солнце. И на закате он вскочил на своего огромного гнедого коня и поскакал к устью долины, и смотрел, и ждал; и точно тогда, когда по небу разлился алый свет, он увидел, как его супруга идет по долине в своем платье из серебряного газа, более прекрасная, чем когда-либо; и он спрыгнул с седла, поднял и посадил ее перед собой, и ускакал, как штормовой ветер, обратно в замок. И здесь он положил Этне на ее ложе, но она закрыла глаза и не говорила больше ни слова. Так проходил день за днем, и она так и не говорила ни слова и не улыбалась, но казалось, как будто она в бессознательном состоянии.

И все впали в великое горе, поскольку боялись, что она вкусила пищи фей и чары никогда не будут разрушены. Так что ее муж был страшно несчастен. Но однажды вечером, когда он поздно ехал домой, он услышал в воздухе голоса, и один из них сказал:

– Теперь прошел уже год и день с тех пор, как юный лорд привез домой свою прекрасную жену от Финварры, но на что ему она? Она лишена дара речи и подобна умершей, ибо ее дух остался с феями, хотя ее облик – здесь, с ним.

Тогда другой голос ответил:

– И такой она и останется, если только чары не будут разрушены. Он должен развязать на ее поясе кушак, который заколот волшебной булавкой, и сжечь кушак на огне, и бросить

пепел за дверь, и похоронить заколдованную булавку в земле; тогда ее дух вернется из страны фей и она снова сможет говорить и жить настоящей жизнью.

Услышав это, юный лорд немедленно прищпорил коня и, достигнув замка, рванулся в комнату, где Этне лежала на своей постели – молчаливая и прекрасная, как восковая кукла. Тогда решившись проверить, правду ли говорили волшебные голоса, он развязал кушак и с огромным трудом вытащил из его складок заколдованную булавку. Но Этне все еще не говорила ни слова; тогда он взял кушак и сжег его на огне, и рассыпал пепел перед дверью, и похоронил заколдованную булавку в глубокой яме в земле, под волшебным боярышником, чтобы никто не раскопал случайно это место. После этого он вернулся к своей молодой жене, которая улыбнулась, посмотрев на него, и протянула ему руку. Велика была его радость, когда он увидел, что душа вернулась в ее прекрасное тело, и он поднял ее, и поцеловал; и дар речи, и память вернулись к ней в ту минуту, и вся ее прежняя жизнь, как будто она никогда не была сломана или прервана, но весь тот год, который ее дух провел в стране фей, казался ей как будто сном в ночи, от которого она только что проснулась.

После этого Финварра уже не пытался больше похитить ее; но глубокий ров, вырезанный в холме, остался и до сего дня, и его называют «долиной фей». Так что никто не может усомниться в том, что рассказанная здесь история – чистая правда!

Мечь фей

Фей бывают очень недовольны, когда на волшебных холмах, где они встречаются по ночам, что-то строят смертные люди. Один фермер по имени Джонстон, у которого было очень много денег, купил землю и выбрал прекрасное зеленое место, чтобы построить на нем дом, – то самое место, которое больше всего любили феи.

Соседи предупреждали его, что это – место встречи фей; однако он только смеялся, и ему было все равно (ибо он был родом с севера), и считал все это просто сказками старых бабушек. Так что он построил дом и сделал его прекрасным и удобным для житья; и никто во всей стране не жил так зажиточно, как Джонстоны, так что люди поговаривали, что Джонстон-де, верно, нашел горшок с золотом на волшебном холме.

Однако феи все это время рассуждали, как они могут наказать фермера за то, что тот отнял место, где они танцевали, и за то, что он срубил куст боярышника, где они устраивали свои праздники при полной луне. И вот однажды, когда доили коров, к миссис Джонстон пришла маленькая старушка в синем плаще и попросила налить ей чашечку молока.

– Уходи, – сказала хозяйка, – от меня ты молока не получишь. Я не потерплю, чтобы вокруг моего дома шатались бродяги. – И она приказала батракам выгнать ее.

Некоторое время спустя самые лучшие и красивые коровы заболели и перестали давать молоко, и у них опадали рога и выпадали зубы, и в конце концов они пали.

Потом однажды миссис Джонстон сидела и пряла лен в прихожей, и та же самая маленькая женщина в синем плаще внезапно предстала перед ней.

– Твои служанки пекут оладьи в кухне, – сказала она, – дай и мне немножко со сковородки, чтобы я могла взять это с собой.

– Убирайся отсюда, – злобно закричала жена фермера, – ты гнусная старая нищенка, ты отравила мою лучшую корову! – И она попросила батраков выгнать ее палками.

А у Джонстонов был только один-единственный ребенок: красивый умный мальчик, сильный, как молодой жеребчик, и полный жизни и веселья. Но вскоре после этого он начал становиться диким и странным, сон его был беспокойным; он сказал, что ночью к нему приходят феи, щиплют и бьют его, а некоторые сидят у него на груди, и он не может ни дышать, ни двигаться. И они сказали ему, что не оставят его в покое, покуда он не обещает им каждую ночь подавать им ужин – оладью со сковородки и чашечку молока. Так, чтобы успокоить ребенка, мать стала выставлять такую еду каждую ночь на стол рядом с его постелью, и к утру она пропадала.

Но ребенок все равно продолжал чахнуть, и в глазах его появилось странное, дикое выражение, как будто он ничего не видел рядом или вокруг себя, а только что-то далеко-далеко вдали волновало его душу. И когда его спрашивали, что такое с ним, он говорил, что феи уносят его в холмы каждую ночь, где он танцует и танцует с ними до самого утра, когда они возвращают его на место и снова кладут в постель.

Наконец, фермер и его жена уже были на грани помешательства от горя и отчаяния, поскольку сын чах у них на глазах, а они ничего не могли сделать, чтобы помочь ему. Однажды он закричал, будто от страшной боли:

– Мама! Мама! Пошли за священником, чтобы он отогнал фей, ибо они убивают меня! Они тут, у меня на груди, они раздавят меня до смерти! – И глаза его стали дикими от страха.

Фермер и его жена не верили ни в каких фей, да и в священников, но, чтобы успокоить ребенка, они сделали то, что он просил, и послали за священником, который помолился над ним и побрызгал его святой водой.

Бедный малыш, казалось, успокоился, пока священник молился, и сказал, что феи оставили его и уходят, и затем погрузился в спокойный сон. Но когда он проснулся утром, то сказал

родителям, что у него был прекрасный сон и что он гулял в дивном саду с ангелами; и он понял, что это рай и что он будет там еще до вечера, поскольку ангелы сказали ему, что придут за ним.

Тогда они просидели с больным ребенком всю ночь, ибо они видели, что он все еще в лихорадке, но надеялись, что к утру произойдет перемена, ибо теперь он спал совсем спокойно и с улыбкой на губах.

Но как только часы пробили полночь, он проснулся и встал, и, когда мать, рыдая, обвила его руками, он прошептал ей:

– Мама, ангелы уже здесь, – и затем он повалился на спину и умер.

После этого несчастья фермер уже никогда не пришел в себя. Он перестал заботиться о хозяйстве, урожай пропадал, скот погибал; и наконец, не прошел еще год и один день, как он лег в могилу рядом со своим сыночком; и земля перешла в другие руки; в его доме никто не хотел жить, и его снесли. Никто не хотел ничего сажать на волшебном холме, так что он снова весь порос травой, зеленой и прекрасной, и феи снова танцевали на нем в лунном свете, как было у них в привычке в старое время, свободные и счастливые; и так злые чары были разрушены навеки.

Однако люди не хотели иметь ничего общего с потерявшей сына матерью, и она вернулась обратно к своим родным – бедная женщина с разбитым сердцем! – и это должно быть предупреждением всем, кто может навлечь на себя месть фей, нарушая их древние права, владения и привилегии.

Феи-помощники. Пак

Пак – существо дружелюбное и часто помогает крестьянину в работе, если с ним обращаются хорошо и по-доброму. Однажды сын фермера стерег скот в поле, когда что-то как ветер пролетело мимо него; однако он не испугался, поскольку знал, что это – пак, который направляется на старую мельницу через холм, на котором каждую ночь встречаются феи. Поэтому он позвал:

– Пак, пак! Покажи мне, на что ты похож, и я отдам тебе свой большой кафтан, чтоб ты согрелся.

Тогда к нему подошел молодой бычок, крутя при этом отчаянно хвостом, однако Патрик набросил на него свой кафтан, и через мгновение тот стал тихим, как ягненок, и сказал мальчику, чтобы тот приходил на мельницу, когда взойдет луна, и тогда будет ему удача.

Туда Патрик и пошел, но ничего там не увидел, кроме мешков зерна, которые все лежали на поле, поскольку люди заснули и никакой работы не делалось. Тогда он тоже лег и заснул, ибо Патрик очень устал; и когда он проснулся рано утром, то все зерно было смолото, хотя, конечно, работники этого не делали, поскольку они все еще спали. И это происходило три ночи подряд; после этого Патрик уже решил, что будет бодрствовать и смотреть.

А на мельнице был такой старый сундук, и он залез в него, чтобы спрятаться, и смотрел в замочную скважину, чтобы видеть, что случится. Ровно в полночь пришли шесть маленьких человечков; каждый нес на спине мешок с зерном, а после них пришел старик в старой рваной одежде и стал вертеть мельницу, покуда все было не смолото.

Тогда Патрик побежал и рассказал об этом отцу; сам мельник решил следующую ночь посмотреть вместе со своим сыном, и они увидели, как происходит то же самое.

– Итак, – сказал фермер, – я вижу, что это все работа пака, да и пусть он работает, раз уж ему так нравится: ведь работники у нас – ленивые бездельники и только спать умеют. Так что я завтра выпровожу их всех и предоставлю молотить зерно этому чудесному старичку паку.

После этого фермер так разбогател, что деньгам конца видно не было, поскольку у него не стало работников, которым он должен был бы платить, и все его зерно было смолото, а он за это не платил ни пенса. Конечно, людям было очень интересно, откуда у него взялось это богатство, но он никогда не говорил никому о паке, а то их любопытство отняло бы у него удачу.

А Патрик часто ходил на мельницу и прятался в сундуке, чтобы посмотреть, как феи работают; мальчику было страшно жаль бедного старого пака в его рваной одежке; однако при этом именно старик командовал всем, и иногда ему приходилось тяжело работать, заставляя маленьких паков соблюдать порядок. Так что Патрик – из любви и благодарности – купил великолепный костюм из шерсти и шелка и положил его однажды ночью на пол мельницы, как раз там, где всегда стоял старый пак, давая распоряжения маленьким человечкам, а потом забрался в сундук, чтобы посмотреть.

– Как же это? – сказал пак, увидев одежду. – Неужели это для меня? Я стану настоящим джентльменом!

И он надел костюм и начал ходить туда-сюда, восхищаясь собой. Но внезапно он вспомнил про зерно и пошел молотить его, как обычно, а затем остановился и воскликнул:

– Нет, нет! Работать я больше не буду! Настоящим джентльменам не пристало молотить зерно. Я пойду и посмотрю мир и покажу свою прекрасную одежду! – И он отпихнул ногой старое платье в угол и ушел.

В ту ночь зерно не мололи, и в следующую; все маленькие паки разбежались, и ни звука не было слышно на мельнице. Тогда Патрик очень расстроился из-за потери старого друга и стал выходить в поле и звать:

– Пак, пак! Вернись ко мне! Покажи мне свое лицо!

Но старый пак так и не вернулся, и Патрик за всю жизнь так и не увидел снова лица своего друга. Однако фермер заработал столько денег, что помощники ему уже были не нужны, так что он продал мельницу и вырастил из Патрика большого ученого и джентльмена, и у него был свой дом, и земля, и слуги. А со временем он женился на прекрасной даме – такой красивой, что люди стали говорить, что это дочь короля фей.

А на свадьбе произошел странный случай: когда все встали, чтобы выпить за здоровье невесты, Патрик увидел рядом с собой золотую чашу, наполненную вином. И никто не знал, как эта золотая чаша попала ему под руку; однако Патрик догадался, что это был подарок пака, и он выпил вино без всякого страха и дал его выпить и своей невесте. И после этого они всегда жили счастливо и в достатке, и золотая чаша хранилась, как сокровище, в их семье, и потомки Патрика хранят ее и по сей день.

Наказанный крестьянин

Феи, с их свободолюбивым и веселым характером и любовью ко всему красивому и роскошному, чрезвычайно презирают такие мелкие добродетели, как бережливость и экономия, и превыше всего им неприятны люди замкнутые, жесткие, мелочные, которые тратят с неохотой и никогда не дают щедрой рукой. Кажется даже, что феи считают наказание такого человека своей прямой обязанностью, заставляя его страдать за грех жестокого сердца и скупой руки, как можно видеть из следующей истории.

Близ реки Бойн, рядом со старым церковным двором, жил однажды крестьянин. Был он очень богат: были у него и зерно, и скот, но был он таким жестоким и скупым, что люди ненавидели его, ибо он имел привычку вставать очень рано утром, выходить в поле и следить, чтобы никто не взял ни капустного кочана, ни репы или не получил чашки молока ради любви Божьей и святых, когда доили коров.

Однажды утром, когда он, как обычно, встал на заре, чтобы высматривать по сторонам, крестьянин услышал, как жалобно плачет ребенок:

– Ох, матушка, матушка! Как же я хочу есть! Дай мне что-нибудь, а то я умру!

– Тише, мой милый! – отвечала мать. – Ты так голоден, но подожди: сейчас у того крестьянина будут доить корову, я собью ведро, молоко выльется на землю, и ты попьешь сколько хочешь.²⁸

Когда фермер это услышал, он послал сильного работника, чтобы тот последил за доильщицей и чтобы связал ноги коровы, чтобы та не лягалась. Так что в этот раз ни капли молока не вылилось на землю.

На следующее утро он снова вышел на рассвете и услышал, как ребенок плачет еще горше, чем раньше:

– Матушка, матушка! Я голоден. Дай мне поесть!

– Подожди, дитя мое, – сказала мать. – Служанка фермера сегодня печет оладьи, и я заставлю тарелку перевернуться в тот момент, когда она снимет их со сковородки. Так что на этот раз мы уж поедим как следует.

Тогда фермер отправился домой, запер муку и сказал:

– Сегодня оладьи не печь до самой ночи.

Но крик ребенка так и звенел у него в ушах, и он не мог успокоиться. Так что рано утром он снова вышел, и горьким был плач ребенка, когда крестьянин проходил мимо роши.

– Матушка, матушка! – говорил он. – Не получил я молока, и оладьев мне не дали; дай мне положить голову тебе на грудь и умереть.

– Подожди, – сказала мать, – кто-то другой умрет раньше, чем ты, мой милый. Пусть этот старик посмотрит за своим сыном, ибо не пройдет и нескольких дней, как его убьют в сражении, и тогда с бедных людей будет снято проклятие и у нас будет еды во множестве.

Но крестьянин только рассмеялся.

– Сейчас в Ирландии нет войны, – сказал он сам себе. – Как это может быть, что моего сына убьют в сражении?

И он отправился к себе домой, и тут во дворе его сын как раз чистил копьё и вострил стрелы. А был он красивым юношей, высоким и стройным, как юный дубок, и его каштановые волосы длинными кудрями падали на плечи.

– Отец, – сказал он, – меня призывает король, ибо он как раз ведет войну с другими королями. Так что дай мне самую быструю лошадь, какая у тебя только есть, ибо я должен

²⁸ Феи имеют право на все, что пролилось или упало на землю. (Примеч. авт.)

выехать сегодня, чтобы присоединиться к войску короля. Смотри, я уже приготовил свои копья и стрелы.

А в то время в Ирландии было четыре великих короля, и у каждого из них было два заместителя. И король Лейнстера устроил большой пир для этих заместителей, и семи из них он подарил каждому по золотой броши, а восьмому – только серебряную, поскольку, как он сказал, этот человек не был князем, в отличие от других. Тогда восьмой заместитель оскорбился и ударил короля наотмашь по лицу за то, что тот дал ему ту брошь. На это все воины вскочили и вынули мечи, и одни приняли одну сторону, а другие – другую, и в пиршественном зале началось великое сражение. И после этого поссорились четыре короля, и король Лейнстера разослал вестников, требуя, чтобы все его люди явились к нему на помощь. Так что и сын крестьянина получил известие, как другие, и он немедленно с гордым сердцем приготовился отправиться на битву ради короля и ради свойственной всем юношам любви к приключениям.

Крестьянин был вне себя от ярости.

– Все это – злые дела той ведьмы, – сказал он, – но так же, как я не позволил ей пролить молоко и не дал ей испеченные оладьи, так же я не отдам ей жизнь своего единственного сына.

И он взял огромные камни, и построил большие стены на высоту человеческого роста вокруг хижины, и поставил большой камень наверх, чтобы закрыть эту стену, оставив только отверстие, чтобы передавать через него сосуд с едой, и он поместил юношу в эту хижину.

– Вот, – сказал он, – теперь ни король, ни люди короля не получают его – он в безопасности и от битвы, и от копий воинов.

Так что на следующее утро он проснулся вполне довольным и вышел на рассвете, как обычно; и, когда он проходил мимо церковного двора, он услышал смех ребенка. И мать его сказала:

– Дитя, ты смеешься у могилы, ибо сына крестьянина положат в землю еще до конца трех дней, и проклятие будет снято с бедных людей. Он не позволял проливать молоко, не давал печь оладьи, но он не может не дать своему сыну умереть. Чары эти наложены на него ко злу.

Тогда какой-то голос сказал:

– Но ведь отец возвел вокруг него в хижине стены – прочные стены в человеческий рост. Как же тогда он может умереть в сражении?

И женщина тогда ответила:

– Прошлой ночью я взобралась на хижину и дала ему девять камней, и попросила его бросить их через левое плечо по одному; и при этом каждый раз должно было упасть по камню из стены, пока не появится отверстие, через которое он может выбраться, так он и сделал; и еще до заката этим утром он бежал и присоединился к армии короля, однако могила его готова, и в течение трех дней он будет в могиле, ибо рок его изречен.

Когда крестьянин услышал эти слова, он как безумный бросился к хижине и позвал своего сына по имени, но ответа не было. Тогда он вскарабкался и посмотрел через отверстие в крыше, но никаких признаков его сына там не было. И он в отчаянии стал ломать руки, и отправился домой, и не говорил больше ни слова, но лишь сидел стенамя, опустив голову на руки.

И на третий день он услышал снаружи шаги людей, и он встал, поскольку знал, что те несут к двери мертвое тело его сына. И он вышел им навстречу, и здесь лежало на погребальных носилках тело юноши, бледного и прекрасного; он был насквозь пронзен копьем, так, как он погиб в сражении.

И его похоронили на церковном дворе, точно так же, как предсказала волшебница, и все люди плакали, потому что у юноши был благородный облик и добрая и справедливая душа.

Однако отец не говорил ни слова и не плакал. Он лишился разума, и сердце его было разбито. И вскоре он лег и умер, и никто о нем не жалел, ибо он был тверд и жесток при жизни, и никто не плакал по нему; и все богатства, которые он собрал, выжимая последние соки из

бедняков, были растрчены, и род его исчез с лица земли, и его имени больше не было слышно, и никто не благословлял его память.

Жена крестьянина

Где-то на юге жил еще один богатый крестьянин и его жена, обоих люди ненавидели за их злобу и жестокосердие. Никогда ни один из них не сказал ни одного доброго слова, и никогда ни один бедняк не призывал на их головы благословения Божия.

Однажды одна старуха пришла к двери, чтобы попросить немного еды – оладью со сковородки, несколько картофелин или пригоршню муки, – но жена крестьянина грубо отказала ей и выгнала.

Некоторое время спустя она снова вернулась и попросила попить молока, поскольку, как она сказала, была слаба и устала, пройдя долгий путь. В этом ей тоже было отказано, и ей приказали немедленно убираться. Однако женщина продолжала отчаянно просить позволить ей отдохнуть и попить хотя бы сыворотки, поскольку в тот день как раз сбивали молоко, и она знала, что сыворотки-то в доме полно. Тогда жена крестьянина страшно разозлилась и сказала, что натравит на нее собак, если она не уйдет, и что ни один бродяга никогда ничего от нее не получит. На это женщина пробормотала какие-то слова, положив руку на косяк двери, и ушла своей дорогой. Вскоре жена фермера, порядком распалившись от гнева, пошла в хлев попить молока; но, наливая напиток, она увидела в чашке что-то черное и попыталась вытащить его пальцем, но оно все время ускользало от нее. И поскольку пить ей уж очень хотелось, она все-таки выпила молоко, и еще чашку, и еще, и, пока она пила, черная штучка исчезла. Но ночью она почувствовала, что почти умирает: ее тело стало пухнуть и все почернело. Послали за врачом, но доктор ничего не мог сказать ни о причине, ни о характере странной болезни. Тогда уже послали за священником, и он, услышав всю историю, сразу сказал, что тут какое-то колдовство; и продолжал молиться и изгонять из женщины злых духов. Кроме этого, он велел, чтобы ее положили в горячую ванну, куда он налил немного святой воды.

Сначала женщина стала страшно кричать, говоря, что ее тело как будто терзают и рвут, но, наконец, она успокоилась, и чернота перешла с головы на ноги, постепенно исчезая и оставив тело белым, целым и невредимым – за исключением одной только руки, ибо та так и осталась черной, как чернила. На нее вылили святую воду, и священник помолился, но ничто не могло снять этой дьявольской отметины.

Тогда священник сказал ей, что эта чернота останется – как знак и отметина от ее грехов перед бедняками; и с того самого дня отметина злых чар осталась на ней, однако она стала добрее к бедным людям, поскольку ее сердце было потрясено страхом. И когда она стала умирать, на ее руке уже не было черноты, поскольку слезы бедняков, которым она помогла и с которыми подружилась, смыли всю эту дьявольскую метку перед тем, как пришел тот момент, когда ее душе надлежало предстать перед Создателем.

Полночная поездка. Рассказ крестьянина

Однажды вечером человек по имени Шон Рыжий искал заблудившуюся рыжую корову, когда услышал вокруг себя голоса, и один сказал:

– Достань мне коня!

И другой воскликнул:

– Достань мне коня!

– И мне достаньте коня, – сказал Шон, – кажется, их там полно! И я хотел бы съездить с вами. – С этими словами он немедленно оказался на спине прекрасной серой лошади рядом с другим человеком, который ехал на вороном. И они поехали дальше и дальше, пока не оказались у большого города.

– Знаешь ли ты, где мы оказались? – спросил черный всадник. – Ты – в Лондоне и можешь получить здесь все, что хочешь.

– Спасибо тебе большое, друг мой, – сказал Шон, – так что, с твоего позволения, я возьму только хороший костюм, поскольку мне он весьма и весьма нужен. Я могу это сделать?

– Разумеется, – ответил черный всадник, – заходи в лавку и спроси, что хочешь, а если он откажет, просто брось камень, который я тебе дам, на пол, и покажется, что во всем доме пожар. Но ты не пугайся, только подожди свою удачу.

Так что Шон зашел в самый большой магазин и обратился к купцу, страшно надутому и важному.

– Покажи мне самый лучший костюм из тех, что у тебя есть, – сказал он. – Цена меня не волнует – это не важно, главное, чтобы сидел как следует.

Но торговец только расхохотался.

– Платьев для нищих вроде тебя мы не шьем, – сказал он. – Убирайся-ка отсюда!

Тогда Шон бросил на пол камень, и немедленно показалось, что весь магазин загорелся, и сам купец, и все продавцы побежали вслед за ним хватать ведра с водой, а Шон расхохотался, когда увидел, как они все промокли.

– А что ты мне дашь, – сказал он, – если я потушу у тебя пожар?

– Ты получишь цену самого лучшего костюма в моем магазине, – ответил купец, – и все золотом, только помоги мне потушить огонь!

Шон тут наклонился, подобрал камень и тихо положил его в карман; немедленно пламя исчезло. Купец был так благодарен, что выплатил ему все золото за одежду да и еще добавил. И Шон пожелал ему доброй ночи и снова сел на своего серого коня, вполне довольный собой.

– Теперь, – сказал черный всадник, – хочешь ли ты чего еще? Ведь уже почти десять, а к полуночи мы должны вернуться; так что просто скажи, что ты хочешь еще сделать.

– Ну, – сказал Шон Рыжий, – больше всего я хотел бы посмотреть на папу римского, потому что у нас два священника как раз спорят, кто получит приход, а я хочу, чтобы его получил отец Мак-Грат, потому что ценю его очень высоко, а если уж я попрошу его святейшество, то он уладит дело в секунду раз и навсегда.

– Поедем же, – сказал черный всадник, – конечно, до Рима далеко, но, думаю, в два часа мы уложимся и вернемся до полуночи.

И они полетели прочь, как ветер, и в секунду Шон оказался перед огромным дворцом папы; и все эти величавые слуги с золотыми жезлами воззрились на него и спросили его, чего ему надобно.

– Просто хочу зайти, – сказал он, – и сказать его святейшеству, что Шон Рыжий проехал всю дорогу из Ирландии, прибыл сюда и хочет поговорить с ним наедине.

Но слуги только рассмеялись, побили его своими золотыми палками и отогнали от ворот. А папа услышал весь этот шум и выглянул в окно; увидев Шона Рыжего, он спустился и спросил, что ему надо.

– Да только одно, ваше святейшество, – ответил Шон, – мне нужно письмо для отца Мак-Грата, где бы предписывалось епископу дать ему приход, и я подожду, пока ваше святейшество его напишет, а пока я хотел бы немного поужинать, потому что долго ехал верхом и сильно проголодался.

Тогда папа рассмеялся и сказал слугам выгнать парня, так как он явно не в себе.

Тут Шон разозлился и бросил на пол камень, и немедленно показалось, что весь дворец в огне; папа приказал всем эти важным слугам бежать за водой; им пришлось бегать как сумасшедшим, таская все эти чаны и кувшины с водой, которые они только могли найти; и они испортили всю свою прекрасную одежду и в страхе отбросили красивые золотые жезлы – ведь им пришлось взять кувшины, – и они плескали и выливали воду друг на друга.

Теперь уж пришла очередь Шона смеяться, покуда у него бока не заболели, но его святейшество остался весьма серьезен.

– Ну же, – сказал Шон, – если я погашу огонь, что вы сделаете для меня? Напишите письмо?

– Да, напишу, – сказал папа, – и ты получишь свой ужин, только помоги нам, любезный, потушить огонь.

И Шон незаметно положил камень себе в карман, немедленно все пламя исчезло.

– Итак, – сказал папа, – ты получишь ужин из самых лучших кушаний во дворце; и я напишу письмо вашему епископу с приказом дать приход отцу Мак-Грату. И, кроме того, вот тебе кошелек с золотом и возьми его с моим благословением.

Тогда он приказал всем этим величавым слугам подать ужин для превосходного молодого человека из Ирландии и устроить его поудобнее. Так что Шон страшно обрадовался, ел и пил, как князь. Затем он снова вскочил на своего серого коня, и как только пробило полночь, он оказался у своей собственной двери – но совсем один, ибо и серый конь, и черный всадник исчезли. Но там стояла его жена и отчаянно рыдала в великом страхе.

– Ох, Шон, любовь моя! Я уж думала, что ты умер или с тобой случилось что плохое!

– Ничего плохого, – сказал Шон, – я тут ужинал у папы римского, и посмотри, сколько золота я привез домой тебе, любимая моя.

И он положил руку в карман, чтобы достать кошелек, но вот странно! – ничего там не было, кроме грубого серого камня. И с того часа его жена так и думает, что вся эта история ему приснилась, пока он лежал под стогом по дороге домой после того, как выпил с ребятами.

Однако отец Мак-Грат все-таки получил приход, и Шон не преминул рассказать ему, как он отважно ходатайствовал за него перед папой римским и заставил-таки его святейшество написать о нем письмо епископу. А отец Мак-Грат был добрым джентльменом, и он улыбнулся и сказал Шону, что от всего сердца благодарит его за то, что замолвил за него словечко.

Лепрекон²⁹

Лепреконы³⁰ – веселые, трудолюбивые и хитрые маленькие духи; они делают всю ту работу, что делают башмачники, портные и сапожники для знати фей, и часто на закате под изгородью можно увидеть, как они поют и шьют. Они знают все секреты тайных сокровищ, и если им почему-то понравится человек, то они могут отвести его в то место в обиталище фей, где зарыт горшок с золотом. Считается, что одна семья, которая теперь живет близ Каслри, получила свои богатства странным образом – все благодаря любезности дружелюбного лепрекона. Эта легенда передавалась из поколения в поколение как установленный факт.

Жил однажды бедный мальчик – один из прародителей этого семейства, – который имел обыкновение ежедневно возить свою тележку с торфом туда-сюда и зарабатывать сколько мог денег, продавая его; но он был странный мальчик, очень молчаливый и унылый, и люди поговаривали, что он-де подменыш фей, поскольку не принимал участия ни в каких играх и не говорил почти ни с кем, но проводил целые ночи читая все старые книги, которые он подбирал в своих поездках. Одного он хотел превыше всего на свете – разбогатеть, и забыть о своей старой, обшарпанной тележке с торфом, и жить одному в мире и покое, чтобы кругом не было ничего, кроме книг, в красивом доме с садом, и не зависеть ни от кого.

А в тех старых книгах он прочел, что лепреконы знают все тайные места, где спрятано золото, и день за днем он смотрел, пытаясь увидеть маленького сапожника, прислушивался, пытаясь услышать «тук-тук-тук» его молоточка, когда он сидит под изгородью и чинит башмачки.

Наконец однажды вечером, когда как раз садилось солнце, он увидел под щавелевым листом маленького человечка, одетого сплошь в зеленое, за работой, с треуголкой на голове. Мальчик тут же спрыгнул с тележки и схватил его за шею.

– Теперь не шевелись, – воскликнул он, – пока не скажешь мне, где найти спрятанное золото!

– Спокойно! – сказал лепрекон. – Не вреди мне, и я скажу тебе все. Но имей в виду, я мог бы повредить тебе, если бы хотел этого, поскольку у меня есть сила; но я этого не сделаю, поскольку мы с тобой – троюродные братья. Так что, поскольку мы близкие родичи, я буду добрым и покажу тебе место, где скрыто тайное золото, которое никто не может получить и сохранить, если только в нем нет крови и плоти фей. Пойдем же со мной к старой крепости Липеншо, ибо оно – там. Но поспеши, ибо когда последний лучик солнца исчезнет, исчезнет и золото, и ты никогда уже не найдешь его.

– Тогда пойдем, – сказал мальчик, посадил лепрекона в свою тележку с торфом и поехал.

И в секунду они оказались в старой крепости и прошли через дверь, проделанную в каменной стене.

– Теперь оглянись, – сказал лепрекон.

Мальчик увидел, что вся земля покрыта золотыми монетками, и здесь были серебряные сосуды, которые лежали кругом в таком количестве, что, казалось, тут собраны все богатства мира.

– Теперь бери что хочешь, – сказал лепрекон, – но торопись, ибо, если дверь закроется, ты до конца своих дней не покинешь этого места.

И мальчик набрал полные руки золота и серебра и покидал его в тележку, и собирался уже вернуться назад, чтобы набрать еще, как дверь закрылась с громовым шумом и кругом

²⁹ Лепрекон, или Leith Brogan, означает «изготовитель штанов». (Примеч. авт.)

³⁰ Лепреконы в средневековых ирландских текстах называются *lurgacán* или *luchográn* – скорее всего, от *lu* – «маленький» и *согр* – «тело». В древнейших сагах они описаны как уродливые карлики, живущие под водой.

стало темно как ночью. Больше уже он не увидел лепрекона, и у него не было даже времени сказать ему спасибо.

Так что он решил, что лучше всего немедленно поехать домой со своими сокровищами, и, когда мальчик приехал, он подсчитал свои богатства и все яркие желтые монеты – их было бы достаточно, чтобы выкупить из плена короля.

А он был человек умный и ничего не сказал об этом никому, но на следующий день отправился в Дублин и положил все свои сокровища в банк, и оказалось, что теперь он и в самом деле богат, как лорд.

После он приказал построить себе прекрасный дом с просторным садом, и у него были слуги, и кареты, и книги – все, что радовало сердце. И он собрал вокруг себя всех мудрых людей, которые дали ему образование, подобающее джентльмену; и он стал великим и могущественным человеком в округе, где его память чтят до сих пор, а его наследники и до сего дня живут в богатстве и процветании, ибо богатство их так и не уменьшилось, хотя они великодушно одаряют бедняков, и славу этой семье принесли прежде всего добрые сердца и щедрая рука.

Но иногда лепреконы бывают злобными и недоброжелательными, если их оскорбить, и, имея с ними дело, нужно быть очень осторожным и всегда обращаться с ними как можно любезнее – иначе они отомстят и никогда не откроют секрета спрятанного золота.

В один прекрасный день молодой парень работал в поле и увидел маленького человечка, высотой меньше его ладони, который чинил обувь под щавелевым листом. Парень подошел, не отводя от человечка глаз и боясь, что тот исчезнет; подойдя достаточно близко, он протянул руку, схватил это существо, поднял его и засунул себе в карман.

Затем он побежал домой так быстро, как только мог, и когда лепрекон наконец оказался целым и невредимым у него в доме, юноша привязал его железной цепочкой к очагу.

– А теперь скажи-ка мне, – спросил он, – где бы мне найти горшок с золотом? Покажи мне это место, или я тебя накажу.

– Ни про какой горшок с золотом я не знаю, – ответил лепрекон, – отпусти меня, чтобы я мог закончить чинить обувь.

– Тогда я заставлю тебя сказать, – заявил парень.

И тогда он разжег большой огонь, положил на него маленького человечка и стал жечь его.

– Ох, сними меня, сними меня, – закричал лепрекон, – и я все тебе расскажу! Прямо там, под щавелевым листом, где ты нашел меня, есть горшок с золотом. Пойди раскопай и найди его.

Парень был вне себя от радости и побежал к двери. Но случилось так, что в дом как раз заходила его мать с ведром свежего молока, в спешке сын выбил ведро у нее из рук, и все молоко вылилось на пол.

Тогда мать увидела лепрекона и, страшно разозлившись, побила его.

– Убирайся-ка ты, маленькая дрянь! – воскликнула она. – Ты сглазил молоко и принес несчастье. – И она пнула его ногой и вышвырнула из дома.

А парень побежал искать щавелевый лист и вечером вернулся очень грустный, так как он копал и копал чуть ли не до центра земли, но никакого горшка с золотом не увидел.

В ту же ночь муж той женщины возвращался домой с работы и, проходя мимо старой крепости, услышал голоса и смех, и один сказал:

– Они там ищут горшок с золотом, но они и не подозревают, что кувшин с золотом лежит на дне старой каменоломни – он спрятан под камнями у садовой стены. Но любой, кто захочет достать его, должен выйти темной ночью ровно в двенадцать часов и ни в коем случае не приводить с собой жену.

Мужчина побежал со всех ног домой и рассказал жене, что пойдет туда прямо сегодня ночью, ибо тьма как раз была непроглядная, а она должна остаться дома и ждать его, и не выходить за порог, куда он не вернется. Тогда он вышел один в темную ночь.

«Как же так, – подумала жена, когда он ушел, – если бы я только могла добраться до каменоломни раньше, чем он, весь кувшин с золотом был бы моим, а если его найдет он, то я не получу ничего».

И с этой мыслью она вышла и побежала как ветер, пока не добралась до каменоломни, и затем она начала очень тихо в непроглядной тьме карабкаться вниз. Но у нее на пути оказался огромный камень, и она споткнулась об него и упала, и так падала до самого дна; она лежала там и стонала, потому что, падая, сломала ногу.

Как раз в этот момент ее муж подошел к краю каменоломни и начал спускаться. Но когда он услышал стоны, то испугался.

– Спаси нас, Крест Христов! – воскликнул он. – Что это там внизу такое? Злое оно или доброе?

– Ох, спускайся, спускайся и помоги мне! – вскричала женщина. – Тут твоя жена, и я сломала ногу, и если ты мне не поможешь, я умру.

– А где же мой горшок с золотом?! – воскликнул бедолага. – Только моя жена со сломанной ногой на дне каменоломни?..

Он просто голову себе сломал, гадая, что делать, поскольку ночь была такая темная, что он собственной руки не видел. Поэтому он разбудил соседа, они подняли бедную женщину, поддерживая ее с двух сторон, оттащили ее домой и положили на постель, полумертвую от страха; прошло много дней, прежде чем она смогла ходить как обычно; на самом деле она всю свою оставшуюся жизнь хромала, так что люди говорили, что на ней – проклятие лепрекона.

Что касается горшка с золотом, то с этого самого дня и до сих пор никто из семьи, ни отец, ни сын, и никто из тех, кто имел к ним отношение, никогда и краем глаза его не видел. А крошка лепрекон все еще сидит под щавелевым листом у ограды и смеется над ними, чиня свои туфельки маленьким молоточком – тук-тук, тук-тук, но они боятся его трогать, поскольку знают, как он может отомстить.

Легенды Западных островов

На островах у западного побережья Ирландии обычаи жителей все еще весьма первобытные, и они держатся своих старых суеверий с фанатичным жаром, который делает опасным для любого нарушение или пренебрежение древними обычаями, традициями и предрассудками островитян.

Тяжкие и страшные проклятия падут на голову неверующего чужестранца, который осмелится смеяться или иронизировать над древними обычаями исконной языческой веры, на догматы которой люди все еще смотрят с непостижимым почтением и ужасом и считают священными, как небесное откровение.

Основные острова – это Аранские острова и Инишмор³¹; длина последнего составляет девять миль. Скот пасется на прекрасной траве, растущей на скалах, а торф привозят с материка. Виды на море и горы там великолепные, и на островах сохранилось больше памятников язычества и раннего христианства, чем можно найти на такой же площади в любой другой части Европы.

Некоторые из *дунов*, или крепостей, имеют площадь в несколько акров. Стены – циклопической постройки, толщиной около шестнадцати футов и высотой от восемнадцати до двадцати футов, со ступенями внутри, ведущими наверх. Среди других памятников – кромлехи, курганы и обелиски, эти древнейшие из надгробий, построенных людьми. Ирландцы называют эти огромные камни *Bothal*, или Дом Божий, точно так же, как евреи называли их «Бетель», или «Божий дом».³²

Дун Энгуса³³, древнейший варварский монумент такого рода, сохранившийся до наших дней, стоит на скале высотой в три сотни футов над морем. Его диаметр составляет сто сорок два фута, и он состоит из двух циклопических стен толщиной пятнадцать футов и высотой восемнадцать. Длина обрыва составляет тысячу футов, и площадь внутри внешней стены занимает много акров. Крыша крепости состоит из больших плит, а ширина наклонных – на египетский манер – дверных проемов наверху составляет три фута. Ко входу ведет дорожка из вертикальных острых камней, вбитых в землю.

Эта крепость была великим и последним укреплением племени Фир Болг, и они долго удерживали его как убежище от захватчиков, племен богини Дану, которые в то время завоевали Ирландию и завладели ею.

Все острова первоначально были заселены племенем Фир Болг за много столетий до христианской эры, и ирландский язык, на котором все еще говорят тут люди, – самый чистый и древнейший из всех диалектов Эрин. После этого их избрали своим местом обитания столько христианских святых, что самый большой из островов прозвали Ага-na-naomh (Аран Святых), и многочисленные руины церквей, келий, крестов и молелен с каменными крышами свидетельствуют о том, что святые люди долго жили на островах.

На одном из островов есть древний деревянный идол, который называют «отец Молош» – возможно, испорченное «Молох»³⁴. В былые времена ему несли дары и приносили жертвы, и

³¹ Инишмор — крупнейший из Аранских островов.

³² Леди Уайльд ошибается: ирландское *batháil* – «палка, шест» – позднее заимствование из романских языков и не имеет никакого отношения к древнееврейскому слову.

³³ Дун Энгуса (*Dún Aengus*) – крепость, построенная, скорее всего, в железном веке.

³⁴ Скорее всего, имеется в виду святой по имени Молайше. Молайше не имеет никакого отношения к Молоху – это уменьшительное от популярного в древней Ирландии имени *Lassren* – «огонек»; у ирландских монахов было принято называть друг друга уменьшительными именами с прибавлением «мой» и «твой»: *Mo-Laisse* – что-то вроде «мой огонечек». Святых Ласренов / Молайше известно несколько: на острове Инишмюррей у побережья Слайго почитался святой Молайше, сын Деклана (память 12 августа). Конечно, культ этого святого действительно мог быть связан с почитанием огня, об этом говорит и само его имя.

он считался хранителем или богом священного огня, его весьма почитали, хотя это всего лишь грубое изображение человеческой головы. Множество чудес совершал и зуб святого Патрика, который однажды выпал изо рта у святого, когда тот преподавал алфавит новообращенным. После этого для зуба был изготовлен футляр, и эта реликвия была в великой чести у королей, князей и народа Ирландии.

Согласно ирландским антикварам, поразительные варварские памятники на островах являются наилучшим образцом древней военной архитектуры, известным в наши дни, и с ним могут сравниться только постройки Греции. Есть там и много священных колодцев, и всю религию пронизывают странные, дикие предрассудки о феях, демонах и ведьмах; легенды, наполненные странной и мистической поэзией, которые волнуют душу, как мелодия, звучащая в призрачных голосах, которые приходят к ним из дальнего и намного более древнего мира. Следующее трогательное предание – хороший образец таких древних островных легенд.

Предсмертная песнь невесты

На одиноком острове у западного побережья жили старый рыбак и его дочь, и у рыбака была власть над водными духами, и он научил свою дочь чарам, которые заставляли их повиноваться.

Однажды на берег выбросило лодку, а в ней был красивый молодой джентльмен, насквозь промокший и полумертвый от холода. Старый рыбак принес его домой и привел в чувство, а дочь его, Эйлин, кормила и ухаживала за ним. Естественно, юноша и девушка вскоре влюбились друг в друга, и джентльмен сказал Эйлин, что у него есть в Ирландии прекрасный дом, готовый принять ее, и там полным-полно всего, чего она только может пожелать, – шелка, чтобы надеть, золота, чтобы потратить. Они обручились, и назначен был день свадьбы. Но возлюбленный, которого звали Дермот, сказал, что сначала должен переправиться на Большую землю и привезти на свадьбу своих друзей и родичей – столько, сколько можно перевезти на лодке.

Эйлин рыдала и умоляла его не уезжать или, по крайней мере, позволить ей грести, поскольку она знала, что опасность близка, и у нее одной была власть над злыми духами, над волнами и ветрами. Но она не осмеливалась поведать тайну заклинания Дермоту – в таком случае оно бы не сработало и чары оказались бы бесполезными навсегда.

Однако Дермот только смеялся над ее страхами, ибо день был солнечный и ясный, и он презирал всякую мысль об опасности. Поэтому он оттолкнул лодку от берега и благополучно добрался до Большой земли; лодка заполнилась его друзьями, которые должны были вернуться на остров на свадьбу. Все шло хорошо, покуда они не увидели остров: тогда внезапно свирепый порыв ветра бросил лодку на скалу, и она перевернулась, и все, кто были в ней, утонули.

Эйлин слышала крики утопающих – она стояла на берегу и смотрела, но помочь ничем не могла. И она была в великом горе по своему возлюбленному и спела по нему погребальную песнь по-ирландски: она все еще хранится в памяти народной. Затем она легла и умерла, и старик, ее отец, исчез. И с того дня никто не осмеливался жить на этом острове, ибо там бродит дух Эйлин. А печальную музыку ее плача все еще можно слышать по ночам, когда громко шумит ветер и волны бьются о скалы там, где лежат утопленники.

Слова этой песни очень печальны и просты, и буквально их можно перевести так:

Вдова я и дева, по юноше плачу,
Он больше не сможет меня целовать,
В холодной воде его брачное ложе,
В холодной воде простыни и кровать.

О, если бы, милый, ты взял меня в море,
Заклятья и духи спасли бы тебя,
Сильна моя власть над водой и волнами,
И призраки злые страшатся меня.

К тебе я – на небо; прошу я у Бога
Увидеть черты дорогого лица,
И если вернут тебя ангелы светлые,
Взамен не хочу даже трона Творца!

Сон ребенка

Остров Иниш-Сарк (Шарк-Айленд) в старину был святым и мирным местом; и так там было тихо, что голуби всегда прилетали туда и вили свои гнезда в огромной пещере у моря, и никто не беспокоил их. И благочестивые Божьи святые построили там монастырь, куда приезжало множество людей с материка, ибо молитвы братьев имели большую силу против болезни и зла или недоброжелательства врагов.

Среди прочих прибыл сюда один великий и благородный князь из Мунстера с супругой, детьми и их няней; и так им понравился остров, что они остались на год или больше; князю очень нравилась рыбалка, и он часто брал с собой жену.

Однажды, когда их обоих не было дома, старший ребенок – прекрасный мальчик лет десяти – попросил няню пустить его пойти посмотреть голубиную пещеру, но она ему отказала.

– Твой отец рассердится, – вскричала она, – если ты пойдешь без спросу! Подожди, пока он не вернется домой, посмотрим, может быть, он тебе разрешит.

И когда князь вернулся, мальчик сказал, как ему хочется посмотреть пещеру, и отец обещал отвести его туда на следующий день.

Утро было прекрасным и ветер свежим, когда они отправились в путь. Но вскоре ребенок уснул в лодке и так и не проснулся все время, пока его отец рыбачил. Однако сон его был тревожным – мальчик не раз вздрагивал и громко кричал. Поэтому князь решил, что лучше повернуть лодку и высадиться на берег. Затем мальчик проснулся.

После обеда отец позвал ребенка.

– Расскажи мне теперь, – сказал он, – почему ты спал так беспокойно, что отчаянно кричал во сне.

– Мне снился сон, – ответил мальчик, – что я стою на высокой скале, а у подножия бурлит море, но нет никакого шума волн; и, посмотрев вниз, я увидел поля, и деревья, и прекрасные цветы, и ярких птиц в ветвях, и мне страшно захотелось спуститься и пособирать цветов. И тут я услышал голос, который говорил: «Благословенны души, что приходят сюда, ибо это – рай».

И в ту же секунду мне показалось, что я – посреди луга, среди птиц и цветов; и очаровательная дама, ясная, как ангел, подошла ко мне и сказала: «Что же ты делаешь здесь, милое дитя? Ведь сюда приходят только мертвые».

Тогда она покинула меня, и я заплакал, потому что она ушла; внезапно все небо стало черным, и меня окружила огромная стая диких волков; они выли и широко разевали свои пасти, как будто хотели пожрать меня. И я отчаянно закричал и попытался бежать, но не мог сдвинуться с места, а волки подходили все ближе и ближе, и я упал, как мертвый, от страха; и только тогда прекрасная дама снова вернулась, взяла меня за руку и поцеловала.

«Не бойся, – сказала она, – возьми эти цветы, они – с небес. А я отнесу тебя на луг, где они растут».

И она подняла меня в воздух, но больше я ничего уже не помню, потому что в этот миг лодка остановилась и ты поднял меня на берег, но, наверное, мои прекрасные цветы выпали из рук, поскольку я больше так их и не увидел. И вот это – весь мой сон; но я хотел бы снова получить свои цветы, потому что дама сказала мне, что в них – тайна, которая приведет меня на небеса.

Князь решил, что это всего лишь детский сон, но на следующий день отправился, как обычно, рыбачить, оставив мальчика на попечение кормилицы. И мальчик снова стал так усердно молить и просить ее отвести его в голубиную пещеру, что наконец она согласилась, но сказала ему, что он и шага не должен ступить самостоятельно и что она пригласит двух юношей – уроженцев острова, чтобы они позаботились о нем.

Так они отправились в путь – мальчик и его маленькая сестренка с няней. И мальчик собирал дикие цветы для сестры и подбежал к краю пещеры, где плавали бакланы, но никакой опасности в этом не было, поскольку за ним все время следили два молодых островитянина.

Поэтому няня была всем довольна. Она утомилась и заснула. А маленькая сестренка легла рядом с ней и тоже заснула.

Тогда мальчик позвал своих товарищей (тех самых юношей с острова) и сказал им, что ему хочется половить бакланов. И они убежали по тропинке к морю рука об руку и смеялись на ходу. И тогда оторвался кусок скалы и упал рядом с ними; пытаясь увернуться от него, они соскользнули через край узкой тропки вниз с обрыва, а там не за что было ухватиться, кроме большого куста прямо посередине. За него они и уцепились и думали, что теперь-то они в безопасности, но куст был недостаточно прочным, чтобы выдержать их вес, и вырвался с корнем. Тут все трое упали прямо в море и утонули.

Внизу из вод донесся отчаянный крик, няня проснулась, но никого не увидела. Тогда она разбудила сестренку.

– Уже поздно! – воскликнула она. – Наверное, они ушли домой. Мы слишком долго проспали, уже вечер, давай же поскорее нагоним их, пока князь не вернулся с рыбалки.

Но когда они добрались до дому, то князь встретил их на пороге. И он был очень бледен и плакал.

– Где мой брат? – заплакала маленькая девочка.

– Ты уже никогда больше не увидишь своего брата, – ответил князь.

И с того дня он никогда уже больше не рыбачил, но стал молчалив и задумчив, и никогда уже никто не видел, чтобы он улыбался. И вскоре он и его семья покинули остров и никогда уже не вернулись.

Но няня осталась на острове. Некоторые говорят, что она стала святой, потому что ее всегда видели молящейся и плачущей у входа в большую пещеру у моря. И однажды, когда люди пошли искать ее, она лежала мертвой на скалах. А в руке у нее были какие-то прекрасные странные цветы, только что собранные, и на них сверкала роса. Никто не знал, как эти цветы попали в ее мертвую руку. Только иные рыбаки говорили, что предыдущей ночью они видели, как прекрасный, волшебный ребенок сидел на скалах и пел, и вокруг его стана был повязан красный кушак, а длинные белокурые волосы увенчаны золотой диадемой. И все они знали, что это – сын князя, который утонул на этом месте как раз за год до того. И люди верят, что он принес цветы из страны духов той женщине и дал их ей в знак того, что и она должна умереть и как благословенный знак Божий, знак того, что ее душа попадет в рай.

Дитя фей

Одна древняя старуха, что живет на Иниш-Сарк, рассказывала, что в молодости она знала одну молодую женщину, которая была замужем уже пять лет, но детей у нее не было. А муж ее

был суровым, грубым человеком и часто попрекал ее и бил, поскольку она была бездетна. Но со временем случилось так, что родился у нее мальчик, и он был прекрасен на вид, как ангел небесный. И отец так гордился ребенком, что часто оставался дома, чтобы покачать колыбель и помочь своей жене с работой.

Но в один прекрасный день, когда он качал колыбель, ребенок внезапно посмотрел на него и на его лице появилась большая борода! Тогда отец закричал, зовя жену:

– Это не ребенок, а демон! Ты наложила на него злые чары!

И он ударил ее и избил хуже, чем когда-либо в жизни, так что она стала громко звать на помощь. Тогда все кругом потемнело и над головой их прогремел гром, и дверь распахнулась со страшным стуком; вошли две странные женщины с красными шапками на голове и прочными палками в руках. И они бросились на мужчину, и одна держала его за руки, пока другая била его почти до полусмерти.

– Мы – мстительницы, – сказали они, – воззри на нас и трепещи, ибо если ты еще раз избьешь свою жену, мы придем и убьем тебя. Теперь преклони колена и попроси у нее прощения.

И когда несчастный так и сделал, дрожа от страха, они исчезли.

– Ну, – сказал муж, когда они ушли, – этот дом мне не подходит. Я уйду навсегда.

Так он и ушел и больше не беспокоил свою жену.

Тогда ребенок сел в своей колыбели.

– Теперь, мама, – сказал он, – поскольку тот человек ушел, я тебе скажу, что надо делать. Рядом есть святой колодец, который ты никогда не видела, но ты его узнаешь по пучку зеленых камышей, которые растут над ним. Пойди туда, наклонись и громко крикни три раза; выйдет старуха и даст тебе все, что ты хочешь. Только никому не говори про колодец и про старуху, или будет плохо.

Мать так и обещала, и пошла к колодцу, и прокричала три раза; вышла старуха и сказала:

– Женщина, зачем ты меня звала?

Бедная мать испугалась и ответила, дрожа:

– Меня послал тот ребенок, и я прошу тебя сделать мне добро, а не зло.

– Тогда пойдем со мной вниз, в колодец, – сказала женщина, – и ничего не бойся.

И мать взяла ее за руку, и та женщина повела ее вниз по пролету из каменных ступенек, и потом они подошли к массивной закрытой двери; старуха открыла ее и попросила гостью войти. Но мать испугалась и расплакалась.

– Входи, – сказала та, – и ничего не бойся. Ибо это – ворота королевского дворца, и ты увидишь саму королеву фей, ибо ты – кормилица ее сына, а король, ее муж, – с ней на своем золотом троне. И не бойся ничего, только вопросов не задавай и делай все, как они велют.

Затем они вошли в прекрасный зал: пол там был мраморный, и стены были из литого золота, и все было озарено ярким светом, так что из-за него трудно было смотреть. Тогда они перешли в другую комнату, и в конце ее, на золотом троне, восседал король фей. Он был очень красив, а рядом сидела королева, его супруга, она была светла и прекрасна на вид, и вся одета в серебро.

– Вот, сударыня, это кормилица вашего сына, юного принца, – сказала старуха.

Королева улыбнулась, попросила кормилицу сесть и спросила ее, как она узнала про это место.

– Это мой сын ей рассказал, – заметил король и выглядел он очень разозленным.

Но королева успокоила его и, повернувшись к одной из своих дам, сказала:

– Принесите того, другого ребенка.

Тогда дама принесла малыша и положила его на руки матери.

– Возьми его, – сказала королева, – это твой собственный ребенок: мы унесли его, поскольку он был так прекрасен; а тот мальчик, что у тебя дома, – мой маленький эльфийский бесенок. Но все-таки я хочу, чтобы он вернулся, и я послала человека, чтобы он принес его

сюда; а ты можешь безопасно забрать домой своего собственного милого малыша, поскольку благословение фей будет на нем навсегда. А тот человек, который побил тебя, вообще не твой муж, а наш вестник, которого мы послали, чтобы подменить детей. Так что теперь возвращайся домой, и ты найдешь своего настоящего мужа на своем месте; он высматривает и ждет тебя днем и ночью.

С этими словами дверь открылась, и вошел человек, которого побили; мать задрожала и испугалась. Но человек только рассмеялся и сказал ей, чтобы она не боялась, а съела то, что поставят перед ней, а потом с миром шла домой.

И они отвели ее в другой зал, где был накрытый стол с золотыми приборами и прекрасными цветами и красное вино в хрустальных чашах.

– Ешь, – сказали они, – этот пир приготовлен для тебя. Что касается нас, мы не можем притронуться к этому – ибо эта еда посыпана солью.

Так что она поела и выпила красного вина, и никогда за всю ее жизнь не было перед ней на столе столько красивых и вкусных вещей. И она, как и надо было по-хорошему и по-правильному, когда обед кончился, встала и сложила руки, чтобы поблагодарить Бога. Но они остановили ее и усадили.

– Тихе! – сказали они. – Этого имени нельзя тут называть!

В зале послышался сердитый ропот. Но в ту же минуту послышалась прекрасная музыка и пение, похожее на пение священников, и бедная мать была так зачарована, что упала лицом вперед, как мертвая. И когда она пришла в себя, уже был полдень, и она стояла у двери своего собственного дома. Ее муж вышел, взял ее за руку и ввел в дом. И тут был ее ребенок, еще более прекрасный, чем всегда, красивый, как юный принц.

– Где же ты была все это время? – спросил муж.

– Я ушла только час назад, чтобы поискать своего ребенка, которого феи украли у меня, – ответила она.

– Час! – воскликнул муж. – Тебя с ребенком не было три года! И когда ты ушла, в колыбель положили несчастное больное существо не больше гриба, и я хорошо знал, что это – подмесь фей. Но получилось так, что однажды здесь проходил портной и остановился передохнуть; и когда он внимательно посмотрел на ребенка, это страшное уродливое создание село прямо в колыбели и воскликнуло:

– Подойди же, на что ты смотришь? Дай-ка мне четыре соломинки поиграть.

И портной дал ему соломинки. Когда он их получил, ребенок стал играть, и играл на них такую сладкую музыку, как будто бы это была волынка, и все стулья и столы начали плясать; а когда он устал, то упал обратно в колыбель и тут же заснул.

– Да, – сказал портной, – с ребенком не все в порядке; но я тебе скажу, что делать. Для начала разожги большой огонь.

И мы разожгли огонь. Тогда портной запер дверь, достал несчастного маленького негодника из колыбели и положил на огонь. И как только его охватило пламя, существо громко завопило, вылетело в трубу и исчезло. И когда сгорело все, что принадлежало ему, я понял, что ты вернешься ко мне с нашим собственным чудесным мальчиком. А теперь давай же произнесем имя Божье и сотворим крестное знамение над ним, и несчастье никогда не падет на наш дом – никогда и вовеки.

Так мужчина и его жена жили счастливо с того самого дня; ребенок вырос и жил благополучно, был прекрасен на вид и счастлив в жизни, ибо на нем было благословение фей на счастье, богатство и процветание, как и обещала его матери королева фей.

Рок

На Инишморе жил один молодой человек по имени Джеймс Линан, который славился на весь остров своей красотой и силой. Никто не мог превзойти его ни на охоте, ни в кулачном бою; и, кроме того, был он лучший танцор во всей округе. Но при этом он был смел, безрассуден и всегда был на первом месте во всех диких хулиганских проделках тамошней молодежи.

Однажды после одной из этих безумных выходок он зашел в часовню, и священник по имени осудил его с алтаря.

– Джеймс Линан! – сказал он. – Попомни мои слова: дурной конец тебя ждет. Месть Божья падет на тебя за твою порочную жизнь; и той силой, что есть во мне, я отвергаю тебя, как дурного повесу и слугу Сатаны, которого проклинаяют все добрые люди.

Юноша побледнел и упал на колени перед всем народом, горько рыдая:

– Помилосердствуйте, помилосердствуйте! Я раскаиваюсь, я раскаиваюсь! – и заплакал, как женщина.

– Иди же теперь в мире, – сказал священник, – и постарайся начать новую жизнь, и я буду молить Бога, чтобы он спас твою душу.

С того дня Джеймс Линан изменил свои обычаи: он отказался от пьянства и никогда ни капли спиртного не брал в рот. И он начал заботиться о своей ферме и о своих делах вместо того, чтобы посещать все буйные гулянья, и танцы, и ярмарки, и поминки на острове. Вскоре после этого он женился на милой девушке, дочери богатого фермера с Большой земли, у них родилось четверо прекрасных детей, и все у него шло хорошо.

Но слова священника так и не шли у Джеймса из головы, и иногда он внезапно бледнел и по его телу пробегала дрожь, когда он вспоминал о том проклятии. Все-таки дела его процветали, и вся его жизнь была образцом трезвости и порядка.

Однажды его вместе с женой и детьми пригласили на свадьбу друга, который жил примерно в четырех милях оттуда; и Джеймс Линан поехал туда верхом, а семья отправилась в своей собственной повозке. На свадьбе он был, как всегда, душой компании, но ни единая капля вина так и не коснулась его губ. Когда пришел вечер, семья стала собираться домой – так же, как они выехали: жена и дети в повозке, а Джеймс Линан на своей лошади. Но когда жена прибыла домой, она увидела, что лошадь мужа тихо стоит у ворот без всадника. Они подумали, что он мог потерять сознание и упасть, и пошли обратно искать его; и когда его нашли в лощине, самое большее в пяти перчах³⁵ от его собственных ворот, он лежал совсем без чувств, и все черты его лица были страшно искажены, как будто бы застыли в момент, когда ему явилось какое-то страшное видение.

Его внесли домой, но он так и не заговорил. Послали за врачом, который отворил ему кровь, но крови не было. Так он и лежал, как бревно, бессловесный, как мертвец. Среди собравшейся там кругом толпы была одна старая женщина, которую люди считали очень мудрой.

– Пошлите за знахарем, – сказала она, – его ударили.

Так что они послали мальчика на самой быстрой лошади за знахарем. Тот сам прийти не смог, но налил в бутылочку зелье. И затем сказал:

– Скачи так быстро, как только сможешь; дай ему выпить немного этого и обрызгай этим его лицо и руки. Но будь осторожен, когда будешь проезжать мимо одинокого куста на круглом холме близ лощины, ибо там – феи, и они постараются помешать тебе, если смогут, и будут стараться разбить флакон.

³⁵ Перч (от *лат.* *pertica* – «шест») – старинная английская мера длины, обычно равняется пяти с половиной ярдам или шестнадцати с половиной футам, т. е. приблизительно 5 м 3 см. В разных регионах Великобритании длина перча определялась по-разному: ирландский перч был равен 21 футу, то есть 6 м 40 см.

Тогда знахарь подул в рот, и в глаза, и в ноздри коня, и повернул его кругом на дороге три раза, и стер пыль с его копыт.

– Теперь поезжай, – сказал он мальчику, – поезжай и никогда не смотри назад, что бы ты ни услышал.

И мальчик помчался, как ветер, а флакон лежал в безопасности у него в кармане; и когда он подъехал к одинокому кусту, лошадь поднялась на дыбы и прыгнула так, что флакон чуть не упал, но мальчик вовремя поймал его и поехал дальше. Затем он услышал за собой топот ног, как будто бы люди преследовали его; но он так и не обернулся и не посмотрел, поскольку знал, что это феи преследуют его. И его звали пронзительные голоса:

– Быстрее лети, быстрее лети, чары уже в пути!

Но он так и не оборачивался, но продолжал и продолжал скакать, и так и не выпускал из рук волшебный напиток, пока не остановился у двери своего хозяина и не передал флакон его бедной опечаленной жене. И она дала его больному выпить и обрызгала его лицо и руки, после чего он погрузился в глубокий сон. Но когда он очнулся, хотя он узнавал всех, кто был кругом, дар речи покинул его; и с того времени до самой смерти, которая случилась довольно скоро после этого, он так и не произнес больше ни слова.

Так что рок, изреченный священником, исполнился, – злой была юность Джеймса Линана, и злой оказалась его судьба, и скорбь и смерть, наконец, нашли его, ибо приговор священника все равно что слово Божье.

Очищение от вины

Чтобы доказать свою невиновность в преступлении, нужно пройти через определенный древний обряд, на который люди смотрят с великим ужасом и называют его почтительно «Очищением». Это – страшное мучение, и известны случаи, когда люди умирали от страха и трепета, проходя через ужасы этого испытания, даже если они не были виновны. И оно столь же ужасно для обвинителя, как и для обвиненного.

В определенный, назначенный для испытания день обвиненный идет на церковный двор и уносит оттуда череп. Затем, обернувшись в белое покрывало и неся в руке череп, он приходит в дом обвинителя, где уже собралась большая толпа, ибо новость об «Очищении» распространяется как лесной пожар, и люди собираются на эту церемонию, чтобы быть свидетелями. Здесь, перед домом обвинителя, обвиненный преклоняет свои обнаженные колени, крестит свое лицо, целует череп и некоторое время молится молча; люди также ждут в молчании, исполненные священного страха и ужаса, не зная, каков будет результат. Затем обвинитель, бледный и дрожащий, выходит вперед, встает рядом с коленопреклоненным человеком и, подняв руку, заклинает его говорить правду. На это обвиняемый, все еще стоя на коленях и держа череп в руке, изрекает самое страшное проклятие, известное на ирландском языке; оно почти так же страшно, как проклятие друидов, которое так ужасно, что его еще не перевели на английский язык. Обвиняемый молится, что если он не скажет правду, то все грехи человека, чей череп он держит, пали бы на его душу, и все грехи праотцев, вплоть до Адама, и все наказание, подобающее им за зло, которое они совершили в жизни, и все их слабости и скорби, как души, так и тела, были бы возложены на него, как в этой жизни, так и в вечной жизни грядущей. Но если обвинение, которое выдвинул обвинитель, ложно и высказано со зла, то пусть все это зло падет на голову обвинителя вовеки, в течение всей его земной жизни, и душа его пусть погибнет навсегда.

Невозможно в точности описать священный ужас, с которым собравшиеся слушают эти страшные слова, и жуткое молчание толпы, которая ожидает увидеть последствия этих слов. Если ничего не происходит, то обвиняемый через некоторое время встает с колен и суд народный объявляет его невинным, и ни одного слова обвинения больше никогда не звучит против

него, и соседи не избегают и не презирают его. Но на обвинителя смотрят со страхом и неприязнью; он считается несчастливym, и, видя, что его жизнь зачастую становится такой жалкой из-за холодности и подозрительности окружающих, многие согласны скорее потерпеть обиду, чем заставить обвиненного пройти такое страшное испытание, как «Очищение».

Святой колодец и убийца

Колодец Святого Брендана на Хай-Айленде³⁶ имеет великую силу, но чудесная сила воды утратится, если из него выпьет вор или убийца. Как-то на Большой земле было совершено жестокое убийство, и священник объявил народу, что если убийца попытается скрыться на острове, то никто не должен укрывать его или давать ему еду и питье. Случилось так, что в то время на острове жила женщина, которая страдала от боли в суставах; и она приходила к святому колодцу, чтобы совершить моления, сказать молитвы и таким образом вылечиться. Но прошло уже много дней, и ей так и не становилось лучше, хотя она все обходила и обходила колодец на коленях и читала «Отче наш» и «Богородицу», как ей и сказали.

Тогда она пошла к священнику и рассказала ему свою историю, и он сразу понял, что колодец заражен прикосновением кого-то, кто совершил преступление. Поэтому он попросил женщину принести ему бутылку воды, и она сделала так, как он пожелал. Получив воду, он вылил ее и подышал на нее три раза во имя Троицы; и тут – только посмотрите! – вода превратилась в кровь.

– Вот в чем зло, – воскликнул священник, – убийца омыл свои руки в колодце!

Тогда он приказал женщине разложить огонь кругом; она так и сделала, и он произнес над ним некие слова; и в центре его поднялся туман в виде некоего духа, который держал за руку человека.

– Смотри, вот убийца, – сказал дух; и когда женщина посмотрела на него, она закричала:

– Это мой сын! Мой сын! – и потеряла сознание.

А годом раньше ее сын перебрался жить на Большую землю, и там (мать его не знала об этом) он и совершил страшное преступление, за которое легло на него мщение Божие. И когда она пришла в себя, дух убийцы был все еще здесь.

– О, Господи! Пусти его, пусти! – возопила она.

– Несчастливая женщина! – ответил священник. – Как осмеливаешься ты вставать между Господом и мстью. Это лишь призрачный образ твоего сына, но еще до ночи он будет в руках закона, и правосудие свершится.

Тогда призраки и туман исчезли, и женщина ушла в слезах и вскоре после этого умерла от разбитого сердца. Но с того времени колодец снова обрел свои таинственные силы, и слава о творившихся там исцелениях распространялась широко и далеко по всем островам.

³⁶ Хай-Айленд (*ирл.* Ard Oileán – «Высокий остров») – остров у побережья графства Голуэй.

Легенды Иниш-Сарка

Проклятие женщины

На острове Иниш-Сарк жила одна женщина, которая решила отомстить мужчине, поскольку тот обозвал ее злым словом. И она пошла к колодцу святых, и, преклонив колена, взяла немного воды, и вылила ее на землю во имя нечистого, сказав: «Пусть так мой враг прольется, как вода, и будет лежать беспомощным на земле!» Затем она обошла колодец на коленях задом наперед, и на каждой остановке она бросала камень во имя нечистого и говорила: «Пусть так проклятие падет на него и сила дьявола сокрушит его!» После этого она вернулась домой.

А на следующее утро дул холодный ветер, и некоторые из рыбаков боялись выходить рыбачить в море; но другие говорили, что все-таки попытают счастья, и среди них был и тот человек, на котором лежало проклятие. Но не успели они отплыть далеко от земли, как лодка попала в бурный шквал. Однако рыбаки спаслись: им удалось доплыть до берега – все, кроме того, на ком лежало проклятие, и он ушел под воду, и пошел ко дну, как свинец, и его покрыли волны, и он утонул.

Когда женщина услышала о том, какая судьба постигла ее врага, она побежала на берег и стала хлопать в ладоши от радости и ликования. И когда она стояла там смеясь, в своем диком и страшном веселье, труп того, кого она прокляла, медленно поднялся из моря и стал плыть к ней, пока не оказался почти что у ее ног. При этом она наклонилась, чтобы насладиться зрелищем мертвого тела, как вдруг мимо нее пролетел со свистом порыв штормового ветра и сбросил ее с вершины скалы, на которой она стояла. И когда люди поспешно бросились ей на помощь, то не увидели ни следа ее тела. Женщина и тело человека, которого она прокляла, вместе исчезли под волнами, и с того времени никто никогда их уже больше не видел.

Считалось, что еще одна женщина на Шарк-Айленде имела дурное влияние на всех, кто ей не нравился. Однажды один человек в гневе обозвал ее чертовой старухой. Женщина ничего ему не ответила, но в ту же ночь она пошла к святому колодцу, который был недалеко от ее дома, и, встав на колени, призвала на его голову проклятие во имя дьявола. Затем она обошла колодец на коленях три раза задом наперед и каждый раз бросала камень во имя дьявола, говоря: «Пусть так проклятие падет на его голову!» Затем она вернулась домой и сказала людям, чтобы подождали три дня и они увидят, что ее слова имеют силу. Все это время тот человек боялся выходить в море на лодке из-за проклятия. Но на третий день, когда он проходил по скале, упал и сломал ногу. И тогда все поняли, что женщина хранит ведьмовскую тайну зла, и ее стали очень бояться.

Самый действенный способ нейтрализовать дурное влияние – это плюнуть на нужный предмет и сказать «Благослови его Бог!». Но это по вашей просьбе должен сделать кто-то другой, и иногда люди отказываются, боясь разозлить фей тем, что вмешиваются в их дела – будь они добрые или злые. Но жители островов так верят в волшебную силу слюны, что часто просят идущего мимо чужеземца плюнуть на больного. Считается даже, что в таком деле у чужеземца силы больше, чем у соседа.

* * *

У одной женщины, которая держала небольшую школу-пансион, появилась причина считать, что ее сын, чудесный мальчик лет двенадцати, был заколдован, поскольку, когда он съел целую тарелку каши за ужином, он попросил еще. И она сказала:

– Сын мой, ты съел достаточно для троих мужчин. Иди в постель и спи.

Но на следующее утро все было еще хуже – он еще больше хотел есть, и он съел весь хлеб, который его мать сделала для учеников, как только она достала его из печи, так что ни единой булочки не осталось. Тогда она поняла, что мальчик околдован, и она встала у двери и стала поджидать чужестранца. Наконец, один подошел, и она крикнула ему:

– Заходи, заходи, ради любви Господней, и плюнь в лицо моему сыну!

– Женщина, зачем мне плевать на твоего сына?! – ответил он и убежал, потому что решил, что она сошла с ума.

Тогда она послала за священником, и его преподобие вылил на ребенка святую воду, возложил руки ему на голову и помолился. И через некоторое время сила колдовства была разбита и мальчик пришел в здравый ум.

Островитяне также верят, что среди них постоянно присутствуют ангелы и все благословенные вещи – дождь, роса и зеленые хлеба – происходят от их власти; однако феи часто приносят болезнь и могут творить разные злые проделки: заставить лошадь охрометь или украсть молоко и масло, если их оскорбят или лишат законных прав.

Есть определенные дни, в которые не полагается говорить о феях. Эти дни – среда и пятница, поскольку тогда они (хоть и невидимо) присутствуют, и могут слышать все, и задумывают планы того, что им предстоит сделать. Особенно их сила творить зло сильна в пятницу, и в этот день в доме всегда боятся несчастья. Поэтому в пятницу за детьми и скотом внимательно присматривают; вокруг головы ребенка оборачивают раздерганный пучок соломы, а под колыбельку и под маслобойку кладут потухший уголек. А если лошади в конюшне начинают беспокоиться, то люди знают, что на их спине катаются феи. Поэтому на животное плюют три раза, и тогда феи соскакивают с него. Лечение слюной – древнейшее из всех суеверий, и островитяне все еще имеют огромную веру в его таинственную силу и эффективность.

На Инишбоффине в полнолуние феи устраивают великолепное собрание с весельем и танцами; и молодым девушкам очень опасно уходить на улицу в это время, так как они обязательно будут похищены. И если они однажды услышат музыку фей или выпьют их вина, то никогда уже не будут такими, как прежде – на них лежит рок, и до конца года они или исчезнут, или умрут.

И феи всегда высматривают красивых девушек или детей, поскольку считают людей гораздо более совершенной расой, чем они сами. Рады они заполучить и красивых юношей, сыновей смертных женщин, чтобы те помогали им в войнах друг с другом, ибо среди духов-фей есть две партии: одни – добрый народ, который любит музыку и танцы, другой – тот, что получил силу от дьявола и всегда пытается вершить зло.

Один молодой человек лег и заснул вечером в пятницу летом под стогом сена, и феи, верно, унесли его, пока он спал, ибо когда он очнулся, то увидел себя в большом зале, где работало несколько маленьких человечков: одни пряли, другие шили башмаки, некоторые делали копыя и наконечники стрел из костей рыб и из «чертовых пальцев»; все они смеялись и пели с большой радостью и весельем, а маленькие волынчики играли самые веселые мелодии.

Затем вышел тот старик, что сидел в углу; он был очень рассержен и сказал юноше, что он не должен сидеть тут без дела: на обед-де придут друзья, и он должен пойти и помочь на

кухне. Так что он заставил бедного парня пройти перед собой в большую комнату с высокими сводами, где горел большой огонь, а над ним стоял огромный котел.

– Давай, – сказал старик, – готовь обед. Мы тут будем есть старую ведьму.

И это была правда, ибо, к его ужасу, оглянувшись, он увидел, что тут подвешена за руки старуха, а какой-то дед сдирает с нее кожу.

– Давай, поторопись, вскипяти воду, – сказал тот первый старик, – ты что, не видишь, котел уже на огне и я уже готов – начинай! Гости скоро придут, и времени терять нельзя, ведь старуха вариться будет долго. Поруби ее на маленькие кусочки и брось в котел.

Однако юноша так перепугался, что упал на пол и не мог ни слова сказать и ни рукой, ни ногой не мог двинуть.

– Вставай, болван, – сказал другой старик, который, видимо, всем тут распоряжался, и начал смеяться над ним. – Давай работай и ни о чем не думай: ей от этого вреда не будет. Когда она жила там, наверху, в мире, она была порочной и жалкой, жестокой ко всем, злой и горькой во всех словах и делах, а теперь она здесь, и ее душа никогда не упокоится с миром, поскольку мы порубим ее тело на мелкие куски и душа не сможет найти их, но будет бродить во тьме без тела вечно.

Тогда молодой человек потерял сознание и очнулся уже в прекрасном зале, где был накрыт обед; но вместо старухи стол был уставлен фруктами, и курами, и молодыми индейками, и маслом, и свежими оладьями из печи, и хрустальными бокалами с ярким красным вином.

– Теперь садись и ешь, – сказал князь, который сидел во главе стола на троне, его стан обвивал алый кушак, а на голове был золотой обруч. – Садись же за стол с этой приятной компанией и поешь с нами: мы тебе рады.

И вокруг сидело множество прекрасных дам и величественных знатных людей в красных шапках и поясах; и все они улыбались ему и приглашали поесть.

– Нет! – сказал юноша. – Я не могу с вами есть, потому что здесь я не вижу священника, который бы благословил еду. Отпустите меня с миром.

– Нет, пока ты не попробуешь нашего вина, – сказал князь с дружелюбной улыбкой.

И одна из прекрасных дам встала, и наполнила хрустальную чашу ярким красным вином, и дала ему. И когда он увидел это, зрелище оказалось таким соблазнительным, что он не мог удержаться и выпил все без остановки, поскольку ему показалось, что это самый сладкий напиток, который он только пробовал за всю свою жизнь.

Но не успел он еще отставить стакан, как звук, подобный грому, потряс здание, и все огни погасли, и он оказался один в темной ночи под тем же самым стогом, под которым лег поспать, усталый после работы. Наконец, он отправился домой, но вкус вина фей горел в его жилах, и его день и ночь стала мучить горячая жажда – он хотел пить еще и еще; делать он ничего не мог, только чахнул и искал жилище фей, но больше так никогда его и не нашел. И умер он молодым, – и это предупреждение всем, кто ест еду фей или пьет их вино, ибо они больше не будут знать мира и довольства и не смогут работать как следует, как в те дни, когда на них не было волшебных чар, – а эти чары приносят злую судьбу и смерть всем, кто подпадет под роковое влияние их нечестивой власти.

Легенды Западных островов об умерших

Когда умирают молодые люди, будь то мужчины или женщины, славившиеся своей красотой, то считается, что феи унесли их в свои волшебные жилища под землей и они живут там в великолепных дворцах в браке с королевами или князьями фей. Но иногда, если родственникам очень хочется увидеть их, им дозволяется посетить землю, хотя ни одно заклинание еще не оказалось достаточно могущественным, чтобы заставить их остаться или снова вернуться к жизни мертвых.

Иногда, когда рыбаки выходят в море, они встречают странную лодку, наполненную людьми и, глядя на них, они понимают, что это умершие, которых унесли феи своими хитростями и колдовством, чтобы те жили в волшебных дворцах.

Однажды один человек отправился на рыбалку, но ничего не поймал, и как раз возвращался домой в отчаянии от того, как ему не повезло, как внезапно он увидел лодку, в которой сидело три человека; и ему показалось, что это его товарищи, те самые люди, которые за год до того утонули в этом самом месте, но тела их так и не нашли, и он понял, что видит умерших. Но те люди отнеслись к нему по-дружески и позвали его:

– Бросай свои снасти туда, куда мы покажем, и тебе повезет.

И он забросил снасти туда, куда ему сказали, и тут же поймал прекрасную рыбу.

– Теперь снова бросай, – сказали они ему, – и держись рядом с нами, да греби к берегу, но на нас не смотри.

Так что он сделал так, как ему сказали, и вытягивал рыбу за рыбой, пока лодка его не наполнилась, и потом он подвел ее к причалу.

– Что ж, – сказали они, – подожди и посмотри, чтобы никого не было рядом, перед тем как ты высадишься.

Тот человек посмотрел туда-сюда на берег, но никого не увидел; затем он обернулся, чтобы вынести на берег свою рыбу, и вдруг люди и вторая лодка исчезли, и больше он их уже не видел. Однако он с большой радостью выгрузил рыбу и принес ее в целостности и сохранности домой, хотя умные люди говорили, что если бы он в тот раз не обернулся, а продолжал бы пристально смотреть на тех людей, пока не высадился на берег, то чары, что удерживали их в стране фей, разбились бы и умершие вернулись бы к земной жизни и к своим родным на острове, которые горевали по ним.

Знак смерти

Одна женщина однажды пасла своих овец в долине, и, подойдя к ручейку, она присела отдохнуть. Тут внезапно ей показалось, что она слышит тихий звук музыки, и, обернувшись, на некотором расстоянии увидела толпу людей, которые танцевали и веселились. И она испугалась и отвернулась, чтобы не видеть их. Тогда рядом с ней оказался юноша, бледный и странного вида, и она посмотрела на него со страхом.

– Кто ты такой? – спросила она наконец. – И почему ты стоишь рядом со мной?

– Ты должна меня знать, – ответил он, – я ведь из этих мест; но теперь уходи поскорее, или с тобой случится несчастье.

Тогда она встала и уже собиралась уходить с ним, как толпа перестала танцевать и побежала к ним с криком:

– Вернись, вернись, вернись!

– Не останавливайся, не слушай, – сказал юноша, – но иди за мной.

Тогда оба они побежали, пока не добрались до холмика.

– Теперь мы в безопасности, – сказал он, – здесь они не могут нам навредить. – И когда они остановились, он снова сказал ей: – Посмотри мне в лицо и скажи – теперь ты меня узнаешь?

– Нет, – ответила она, – ты мне чужой.

– Посмотри снова, – сказал он, – посмотри мне прямо в лицо, и ты узнаешь меня.

Тогда она посмотрела и немедленно поняла, что это человек, который утонул год назад в темное зимнее время, и волны так и не выбросили его тела на берег. И она подняла руки и закричала:

– Знаешь ли ты что-нибудь о моем ребенке? Видел ли ты ее, мою белокурую девочку, которую похитили у меня семь лет назад в этот день? Неужели она так никогда и не возвратится ко мне?

– Я видел ее, – сказал мужчина, – но она не возвратится к тебе никогда, ибо она ела еду фэй и теперь должна остаться с духами под морем, и она принадлежит им телом и душой. Но теперь иди домой, ведь уже поздно и зло рядом с тобой; и, может быть, мы встретимся быстрее, чем ты думаешь.

Затем женщина повернула лицо к дому, и мужчина исчез, и она больше его не видела.

Когда наконец она достигла порога своего дома, ее охватили страх и трепет, и она позвала своего мужа и сказала, что кто-то стоит в дверях и она не может пройти. И с этим она упала на порог лицом вниз, но уже ни слова не сказала. И когда ее подняли, она была уже мертва.

Кэтлин

У одной молодой девушки с острова Иниш-Сарк был возлюбленный – прекрасный юноша, который, к великому ее горю и скорби, случайно погиб.

Однажды на закате, когда она сидела у дороги и горько плакала, к ней подошла прекрасная леди, вся одетая в белое, и похлопала ее по щеке.

– Не плачь, Кэтлин, – сказала она, – твой любимый в безопасности. Просто сплети кольцо из трав и посмотри через кольцо, и ты увидишь его. Он – в большой компании, и на голове его – золотой венец, а на его стане – алый кушак.

И Кэтлин взяла кольцо из трав и посмотрела через него, и действительно – там был ее возлюбленный среди множества людей, которые танцевали на холме; и он был очень бледен, но прекраснее, чем когда-либо, с золотым обручем на голове – будто они сделали его князем.

– Вот, – сказала дама, – кольцо из трав побольше. Возьми его, и всякий раз, как ты захочешь увидеть своего любимого, выдерни из него листок и сожги его; и поднимется большой дым, и ты как бы упадешь в обморок; и в этом бессознательном состоянии твой любимый унесет тебя в жилище фэй, и ты всю ночь сможешь протанцевать с ним на зеленом лугу. Но только не говори молитвы и не твори крестного знамения, когда поднимется дым, или твой любимый исчезнет навсегда.

С того времени Кэтлин сильно изменилась. Она не говорила молитв, и не обращала внимания на священника, и никогда не творила крестного знамения – но каждую ночь запиралась у себя в комнате и сжигала листок из травяного кольца, как ей и сказали; и когда поднимался дым, она впадала в глубокий сон и теряла сознание. Но утром она говорила своим домашним, что, хотя и казалось, что она лежит в постели, она была далеко с феями на холме, танцую со своим возлюбленным. И в своей новой жизни она была очень счастлива; и не нужны были ей больше ни священник, ни молитва, ни месса, и все умершие были там, танцую с остальными, – все люди, которых она знала; и они приветствовали ее, и давали ей вино в небольших хрустальных чашах, и говорили ей, что она должна прийти и остаться с ними и ее возлюбленным навеки.

А мать Кэтлин была добрая, честная и благочестивая женщина, и она очень переживала из-за того, что ее дочь в таком странном состоянии, ибо она знала, что Кэтлин зачарована

феями. И она решила подсматривать: однажды вечером, когда Кэтлин, как обычно, легла в постель одна у себя в комнате – ибо она не позволяла никому оставаться с ней, – ее мать пробралась туда и стала смотреть через щель в двери, и она увидела, как Кэтлин достает из потайного ящика в серванте травяное кольцо, выдергивает из него лист и сжигает его; при этом поднялся большой дым, и девушка упала на свою постель в глубоком обмороке.

Мать уже не могла больше молчать, ибо она видела, что все это – дело дьявола; и она упала на колени и стала громко молиться:

– О, Мария, мать, отведи злой дух от моего ребенка!

И она ворвалась в комнату и перекрестила спящую девушку; немедленно Кэтлин вскочила и закричала:

– Мать! Мать! Умершие пришли за мной! Они тут! Они тут!

И черты ее лица исказились, будто в припадке. Тогда бедная мать послала за священником, который немедленно пришел, и побрызгал девушку святой водой, и сказал над ней молитвы; и он забрал кольцо из трав, что лежало подле нее, и проклял его навеки, и немедленно оно распалось в прах и лежало на полу, как серый пепел. После этого Кэтлин успокоилась, и злой дух, казалось, оставил ее, но она была слишком слаба, чтобы двигаться, или говорить, или произнести молитву; и еще до того, как часы прозвонили полночь, она умерла.

День Всех Святых

У островитян считается, что ни в коем случае не следует выходить из дому в канун Дня Всех Святых, заниматься каким-либо делом, ибо феи как раз перебираются с одного места на другое, и им не нравятся, когда их видят или подсматривают за ними; и все духи приходят, чтобы встретиться с ними и помочь им. Но смертные люди должны оставаться дома, или они будут наказаны, ибо души умерших имеют власть над всем в эту ночь; и они празднуют вместе с феями, и пьют красное вино из зачарованных чаш, и танцуют под волшебную музыку, пока не зайдет луна.

Был в деревне один человек, который под День Всех Святых припозднился на рыбалке, и у него и мысли не было о феях, пока он не увидел множество танцующих огоньков и целую толпу людей, которые бежали мимо с корзинками и сумками – они смеялись, и пели, и веселились, пробегая мимо него.

– Веселые вы ребята, – сказал он, – и куда же вы все идете?

– Мы идем на ярмарку, – сказал старичок в треуголке с золотым кантом. – Иди с нами, Хью Кинг, и ты получишь самую лучшую еду и самые лучшие напитки, которые ты когда-либо видел.

– Только поднеси мне эту корзинку, – сказала маленькая рыжеволосая женщина.

Так что Хью взял корзинку и пошел с ними, покуда не прибыл на ярмарку, наполненную толпами людей, которых он за всю свою жизнь на острове никогда не видел. И все они танцевали, весело смеялись и пили красное вино из маленьких чаш. Были тут и волынщики, и арфисты, и маленькие башмачники, чинившие туфли, и самые прекрасные блюда и напитки, как будто бы они были в королевском дворце. Но корзинка была очень тяжелой, и Хью так и хотелось поставить ее, чтобы и он мог пойти и потанцевать с маленькой красоткой с длинными белокурыми волосами, которая была так близко и посмеивалась, заглядывая ему в лицо.

– Ну ладно, здесь поставь корзинку, – сказала рыжая, – я вижу, что ты уже совсем устал. – И она взяла корзинку, открыла крышку, и из нее вылез маленький старичок – самый страшный и уродливый чертик, которого только можно вообразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.